

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 47

1983

Людмила УВАРОВА

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

РЕЧНОЙ ЖЕМЧУГ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 47

Людмила УВАРОВА

РЕЧНОЙ ЖЕМЧУГ

РАССКАЗЫ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1983

Людмила УВАРОВА

Людмила Захаровна Уварова родилась в Москве, в семье профессора-филолога. С детства знала в совершенстве иностранные языки — французский, немецкий, английский. Окончила техникум иностранных языков, английский и немецкий факультеты, преподавала немецкий язык в военных академиях имени Фрунзе и Дзержинского, одновременно училась на заочном отделении Института иностранных языков.

В начале Великой Отечественной войны стала корреспондентом Совинформбюро, сотрудничала в газетах и в журналах.

Первая книга рассказов «Ольховка слушает» вышла в 1959 году в издательстве «Советский писатель». За последующие годы в издательствах «Советский писатель», «Современник», «Молодая гвардия», «Московский рабочий», «Советская Россия», «Детская литература» вышло более тридцати книг повестей, романов и рассказов Уваровой, ее произведения печатаются в журналах «Огонек», «Дружба народов», «Октябрь», «Юность», «Москва», в «Литературной газете», «Правде», «Советской России», «Советской культуре».

Многие повести и рассказы переведены на другие языки за рубежом.

САМЫЙ ЛЮБИМЫЙ ЧЕЛОВЕК

Я звонила каждый день Рубику, его другу и молчала в трубку, слушая, как надрывается Рубик:

— Алло, кто это? Нажмите кнопку! Ничего не слышно, алло, вас не слышно...

Нет, его не было, но я знала, вот-вот он появится, должен появиться.

Он был кинооператором на Ленинградской киностудии, время от времени приезжал по делам в Москву, здесь, в Раменском, жила его мать, но он останавливался не у нее, а у Рубика, главного администратора крупного творческого клуба. У Рубика было удобно, жена его, эстрадная певица, постоянно ездила с гастрольями по разным городам. Рубик обычно пропадал в своем клубе, предоставляя удобную двухкомнатную квартиру на Селезневке ему, Володе.

Я не спрашивала Володю о его семье, и он почти ничего о себе не говорил. Наверно, он женат, наверно, у него дети, возможно, дети удались трудными, а с женой — сложные, как теперь принято говорить, отношения, но меня это не интересовало. Я любила его, мне было решительно все равно, холост он или у него гарем...

Наконец он появился.

— Да, — отвечал тихо, приглушенно. — Я слушаю. Кто это?

Уверена, он прекрасно знал, кто молчит и дышит в трубку, без сомнения знал, ну и что с этого? Я никогда не признавалась, что звонила, и он не спрашивал меня потом.

Начинались часы ожиданий. Я подбегала к телефону на каждый звонок, срывала трубку, но все было не то, не то...

И вот, когда казалось, больше ждать уже нет сил, когда телефонные звонки начинали просто-напросто мерещиться, я уже была готова позвонить первой, еще немножечко и уже набрала бы номер Рубика, — тут раздавался желанный звонок, его голос и смех, который казался мне неповторимым, и такая знакомая хрипотца.

— Малыш, милый, как дела? Это я, Володя...

Он неясно, смазанно произносил букву «л», скорее «в», чем «л».

— Мавыш, мивый мой...

О, какое счастье было сжимать в руке эбонитовую трубку и слушать, слушать, и представлять себе его.

Мы договаривались о встрече, и я приходила к нему. Не он ко мне, а я к нему, потому что у меня было не очень удобно, мы жили с папой в одной комнате, папа очень рано ложился спать, он был строитель, строил новые дома в Вешняках-Владычино, невероятно далеко, и потому каждое утро вставал без четверти пять, чтобы поспеть на работу к семи утра.

Я звонила в дверь, и Володя мгновенно вырастал на пороге, высокий, походивший на артиста Николая Черкасова, такой же худой, длиннорукий, с большим покатым лбом.

Он протягивал теплую, сильную ладонь, целовал мою руку, сердце мое плавало в блаженстве.

— Ну-ка,— говорил он,— покажись-ка, малыш, каким ты стал?

Разумеется, я старалась надеть всегда что-то новое, чего он еще не видел, либо платье, либо жакет или, если не было ничего другого, хотя бы косынку, которая мне шла.

— Хорош малыш,— говорил Володя.— Очень даже хорош. В тот, последний раз малыш был немного усталый, разве не так?

Иногда он говорил мне:

— А мне тебя недостает, можешь себе представить?

Я счастливо улыбалась, потому что и вправду чувствовала себя бесконечно счастливой и в этот момент, но ничего не отвечала ему. Неужели он не понимал, что мне его всегда, постоянно недостает?

Как-то он спросил меня:

— Ты меня когда-нибудь вспоминаешь?

Вспоминаю ли я? Кажется, не было минуты, чтобы я не думала о нем. Мысли о Володе сидели во мне, словно бактерии гриппа, как говорила моя подруга Алена. Грипп, который трудно поддается лечению.

— Я бы хотел, малыш, чтобы ты когда-никогда вспоминала обо мне,— сказал он.

Я кивнула. И, по-прежнему беспечно улыбаясь, произносила привычное:

— Бусде! Непременно бусде...

— Ты все шутишь,— сердился он.— Все тебе смешочки да шуточки, все полтора без малого года...

— Какие полтора? — перебивала я его.

— Мы знакомы вроде бы полтора года?

— Почти два. Если быть точным, то год, одиннадцать месяцев и девять дней.

— Как бежит время,— задумчиво произносил он.— Я считал полтора, оказалось целых два...

А я обижалась. Я, конечно, не подавала вида, но жестоко обижалась. Почему это я точно, день в день помню, когда мы впервые встретились, а он путает, не помнит. Почему?

Словно вчера это было, всего лишь вчера: я пришла с Аленой на премьеру какого-то зарубежного фильма в клуб, где был главным администратором Рубик.

Билетов в кассе, само собой, не было, Алена разыскала Рубика, вымолила у него пропуск, она была шустра на всякого рода просьбы, знала, что трудно отказать такой хорошенькой девушке, как она, и Рубик посадил нас в ложу. Рядом сидел Володя. Я не обратила внимания на него, но Алена сразу же заметила его.

— Погляди,— шепнула она мне,— похож на Николая Черкасова, верно?

Как раз недавно мы вместе смотрели по телевизору старый фильм «Весна», в котором снимались и Любовь Орлова, и Николай Черкасов, и еще многие, очень хорошие артисты, как, например, Плянт и Раневская.

— Похож,— равнодушно сказала я.— Хотя отдаленно. Самую малость.

— Нет, очень даже,— настаивала Алена.— Ты взглядишь...

Я обернулась к нему. Он сидел в профиль к нам — тяжелой лепки лицо, чуть вздрагивающие ноздри, большой, добрый рот.

Могла ли я думать тогда, что судьба свела меня с человеком, которого мне суждено любить, отныне и навсегда?

Он ли заговорил с Аленой или, может быть, Алена заговорила с ним, во всяком случае, они перебрасывались короткими словами, фильм был утомительно длинный, и мы не чаяли, когда он кончится.

Потом мы сидели четвером за столиком, в самом дальнем углу ресторана, какой-то пианист, должно быть, по своей доброй воле, тихо наигрывал старые танго, вроде: «О, эти черные глаза», «В маленьком письме», «Дымок от папиросы»...

Как всегда, Алена была душой общества. Желая и умея нравиться любому, она сыпала шутками, анекдотами, ни минуты не сидела спокойно. Рубик был под стать ей.

Я была уверена, что оба, и Рубик и Володя, без ума от Алены, в нее обычно влюблялись с первого взгляда, она была такая яркая, самобытная, остроумная, не то что я.

Алена успевала все сразу: перебрасываться острыми, меткими словами с Рубиком, рассказывать какую-то смешную историю, строить глазки Володе, пить вино, подмазывать помадой побледневшие губы, улыбаться, морщить нос, ненадолго задумываться и снова смеяться, играя своими великолепными темно-карими, в густых ресницах глазами.

Рубика неожиданно вызвали к директору клуба, и он сказал:

— У нас совещание, меня не ждите...

— Жаль, — отозвался Володя.

— Я рассчитываю на тебя, — продолжал Рубик. — Проводи девочек.

— А как же, — ответил Володя.

Я не сомневалась, что Володя сперва проводит меня, а потом Алену, чтобы остаться с нею вдвоем. Так бывало уже не раз, я привыкла и никогда не обижалась. Я отлично понимала ситуацию, понимала, что мне далеко до Алены, ведь я не была красивой и смелой, такой, как она, не умела веселить всех, рассказывать смешные байки и сыпать остроумными анекдотами...

Мы вышли на улицу и почти тут же поймали такси.

— Где вы живете, девочки? — спросил Володя. — Не вместе?

— Нет, — ответила Алена. — Я в Измайлово, на 4-й Парковой, а Валя в Брюсовском.

И, странное дело, хотя удобнее было завезти сперва меня, Брюсовский был совсем недалеко от клуба, Володя сказал:

— Стало быть, так и сделаем, сперва завезем Алену в Измайлово, на 4-ю Парковую, а потом Валю в ее Брюсовский...

И я и Алена недоуменно взглянули на него. Я промолчала, Алена пожалала плечами:

— К чему чесать левое ухо правой рукой?

— Давайте прокатимся, — сказал Володя. — Так хорошо проехать по ночной Москве в хорошей машине...

— Разве что так, — согласилась Алена. Она уже смотрела на него, как на безусловно своего поклонника и, должно быть, прикидывала, когда с ним встретиться — на той или все-таки на этой неделе?

А он сказал мне, оставшись в машине вдвоем:

— Можно я позвоню вам?

— Мне? — переспросила я.

— Да, именно вам, — повторил он. — А почему это вас так удивляет?

— Так, ничему, — сказала я.

Но он догадался. Он был проницателен.

— Я знаю, почему. Вы полагали, что я буду просить телефон вашей подружки?

— Разумеется, — сказала я. — Она же такая красивая, интересная, все от нее без ума.

Он усмехнулся.

— Значит, не все.

Вот так оно все и началось.

Признаться, Алена несказанно удивилась, я не умела таиться, да и не хотела, к чему? Пусть она знает, пусть.

— Ну, ты даешь, — сказала, она, вглядываясь в мое лицо, словно впервые увидела меня. — Кто бы мог подумать? Такая тихоня, воды не замутит, и на тебе...

— Впрочем, — добавила она, — тихони всегда в конечном счете выигрывают. Это уж как пить дать...

И хотя слова ее не дышали искренней дружбой, я простила ей, потому что была счастлива. Самым настоящим образом, впервые в жизни.

Мы жили с отцом вдвоем.

Мама умерла, когда мне не исполнилось и трех лет, я не помнила ее, отец все годы был для меня и папой и мамой.

У него было зоркое сердце, именно зоркое, иначе не скажешь. Добрый, мягкий, он принимал близко к сердцу чужие печали, искренне переживая за других, — свойство, присущее далеко не каждому.

Мои подруги по школе рассказывали ему то, чего, должно быть, не выложили бы своим родителям, и он находил для каждой из них нужные, самые убедительные и верные слова.

Он был рабочий человек, строитель, и мой дед, погибший на войне, тоже строил дома, но отец хотел, чтобы я после окончания школы поступила учиться в какой-нибудь вуз, чтобы стала образованной и ученой.

Однако я не радовала его. Училась плохо, особенно туго давались мне математика и физика, с грехом пополам я окончила десятилетку и задумала пойти работать, куда, и сама не знала, решила посоветоваться с отцом, но он прямо-таки восстал против моего желания.

— Уступи мне, — сказал. — Давай начинай готовиться в вуз.

— В какой? — спросила я. — Честное слово, папа, я и сама не знаю, куда бы мне хотелось пойти учиться...

— А если в строительный? — предложил он. — Будешь, как и я, строителем, только с высшим образованием.

Далось ему это самое высшее образование!

Однако я наотрез отказалась поступать в строительный, там физика и математика на первом месте, и, само собой, это все не для меня.

Долго думали мы с отцом, перебирали, наконец решили: поступать в педагогический. Алена, окончившая в прошлом году десятилетку, училась уже на втором курсе педагогического, на географическом факультете, и уверяла меня, что я вполне справлюсь.

Отец настоял, чтобы взять репетитора по русскому языку, я не хотела, мне было жаль отца, деньги давались ему нелегко, здоровье у него уже стало не ахти, но отец твердо стоял на своем — нужен репетитор. И я сдалась.

Все та же Алена вскоре привела к нам преподавателя из вечерней школы рабочей молодежи, Владислава Прохоровича.

Он был довольно высокий, лысеющий, ярко-голубые глаза в красных веках часто и охотно улыбались, и он постоянно облизывал узкие, бледно-розовые губы.

И, хотя он был приветлив, даже ласков со мной, если я делала ошибки в орфографии, почти нежно упрекал:— Как же так, моя прелесть? Неужели трудно выучить правила русской грамматики?— я не любила его, мне казались неискренними, деланными и эти его слова, и ласковый взгляд ярко-голубых глаз, и частые, чересчур широкие улыбки...

Однако дело свое он знал. Алена так и выражалась:

— Сечет, не придерешься...

Все-таки я не добрала двух очков.

Отец был огорчен куда больше меня, а Владислав Прохорович говорил недоуменно:

— Как же это? Ведь, поверьте, она знала все превосходно, даже больше, чем превосходно...

Но, как бы там ни было, меня не приняли. И я сказала отцу, скорее, чтобы утешить его:

— Ладно, подождем до следующего года, буду сдавать еще раз...

И поступила в строительно-монтажное управление табельщицей недалеко от дома — это главное преимущество, работа непыльная, и восемьдесят рэ в месяц — тоже не лишнее...

Я знала, отец неподдельно удручен тем, что я не стала студенткой. Иной раз, в воскресенье, когда возвращался из города, — он любил в свои выходные побродить по московским улицам, заходить в книжные магазины, выискивая какие-нибудь интересные для меня книги, — он приносил мне новый словарь русского языка или книгу жизнеописаний великих путешественников. Никогда нигде не бывавший, отец питал слабость к знаменитым мореплавателям и землепроходцам.

Каждый раз, вручая купленную книгу, отец говорил:

— Будешь студенткой, пригодится...

Как ни странно, к нам продолжал ходить мой репетитор Владислав Прохорович.

Являлся он обычно вечером, без звонка.

— Не выношу телефонные переговоры, — пояснил он нам, мне и отцу. — Не лучше ли поступить так, как в доброе, старое время — просто заглядывать на огонек?

Сидел он обычно долго, медленно пил чай, стакан за стаканом, рассказывал мне и отцу о своем житье-бытье.

Он преподавал в медицинском училище, кроме того, имел частные уроки.

— Но я такой организованный человек, что умею распоряжаться своим временем,— говорил Владислав Прохорович,— и потому у меня всегда найдется свободный час, чтобы посетить друзей...

Однако сидел он не час, а два, случалось, и три часа.

Я, не скрываясь, зевала, у отца тоже слипались глаза, было уже поздно, а отцу надо было вставать засветло, но Владислав Прохорович все не уходил, рассказывая о себе, о друзьях и знакомых, которым он так или иначе помогал.

По его словам, он заботился решительно обо всех — не только о близких друзьях, но и о малознакомых людях, о работниках жэка, об уборщицах в училище, о своих учениках, о каких-то престарелых тетках и соседях по дому.

Одних он устраивал на работу, другим выбивал путевки в дом отдыха и в пансионат, третьим помогал напечатать стихи в «Вечерке», четвертым писал заявления с жалобой на действия райисполкома, пренебрегавшего текущим ремонтом, пятым...

Обо всех своих деяниях Владислав Прохорович рассказывал подробно, со многими красочными деталями. А однажды в воскресенье он предложил мне стать его женой.

Отца не было дома, а он явился днем и сидел вплоть до самого вечера.

Я угостила его обедом, он ел, похваливал мою стряпню — украинский борщ и вареники с творогом, медленно, со вкусомпил хорошо заваренный чай, отец, великий чаевник и водохлеб, научил меня как следует заваривать чай, и Владислав Прохорович, признаваясь все в новых своих благодеяниях, жаловался в то же время на безмерную усталость от многочисленных просьб, которые ему приходилось выслушивать изо дня в день.

Потом он стал жаловаться на свое одиночество, становившееся, по словам Владислава Прохоровича, просто-напросто невыносимым.

— Стены давят на меня, словно каменные валуны на песчаный берег,— он питал пристрастие к высокому стилю и витиеватым выражениям.— Стены кричат, и я чувствую, что больше нет сил...

Ярко-голубые глаза его в красных веках вопросительно смотрели на меня, он явно жаждал сочувствия, понимания, я отзывалась:

— Это, конечно, плохо, но что же делать?

А он, не слушая меня, продолжал:

— Как я завидую вашему отцу, он окружен заботой, вниманием, вы создали ему уютный, теплый дом, ему так хорошо с вами...

И вдруг неожиданно, без перехода, с места в карьер:

— Прошу вас, Валечка, не отказывайте мне! Будьте моей женой!

От удивления я просто окаменела. Быть его женой? Вот уж, действительно, неожиданность! Прежде всего он не нравился мне, меня раздражали его красные веки, беспрестанные улыбки, утомляло вечное хвастовство, щеголянье своими несказанными добродетелями.

И потом он казался чересчур пожилым. И вообще мне еще никто никогда по-настоящему не нравился. Забегая вперед, скажу, что впервые в жизни мне суждено было полюбить через два года — Володю.

Должно быть, он понял мое молчание по-своему, схватил мою руку, с жаром поцеловал ее.

— О, моя нежность! Как я рад, как я рад, если бы вы знали... Я выдернула руку.

— Оставьте меня!

Я не хотела обижать его, но против воли мой голос звучал резко и жестоко.

Ярко-голубые глаза его на миг стали блеклыми, словно бы выцвели разом.

— Что, что вы сказали? — запинаясь, спросил он.

Мне стало совестно. Я всегда ненавидела любое проявление грубости, а тут, выходит, сама сгубила, да еще кому? Человеку много старше меня годами, в сущности, уважаемому, порядочному, не сделавшему мне ни малейшего зла.

В конце концов не виноват же он, что любит меня!

— Простите, — сказала я, стараясь глядеть куда-то мимо него. — Я понимаю, что виновата, больше не буду...

Эти самые слова «больше на буду», прозвучавшие как-то смешно, совершенно по-детски, должно быть, ободрили его.

Он спросил почти радостно:

— Так что, мне в самом деле можно надеяться? Да? Можно?

Нет, я не хотела, чтобы он надеялся. К чему? Что бы со мной ни случилось, я никогда, никогда не соглашусь стать его женой! Никогда, ни за что!

Я ответила сухо:

— Давайте больше не говорить на эту тему.

— Почему? — спросил он растерянно.

— Я не собираюсь замуж, и вообще, повторяю, больше никаких разговоров на эту тему, очень прошу вас...

— Хорошо, — покорно сказал он. — Раз вы так желаете, то не будет никаких разговоров...

Больше я его не видела. Он перестал заходить к нам, и, признаюсь, не только я, но и отец почувствовал облегчение.

Правда, он как-то спросил:

— Куда это девался наш каменный гость?

— Не знаю, — ответила я как можно равнодушнее. — Может быть, дел много, а времени мало?

— Наверное, — согласился отец, но я поймала случайно его взгляд, чуть лукавый, как бы затаивший легкую насмешку, не иначе, отец что-то понял или догадался о том, что произошло между нами.

Володе и мне никто не мешал. Мы были совершенно одни долгие, долгие часы, которые пронесились стремительно и неотвратно. Я кидала взгляд на электронную тарелку, висевшую на стене, черт побери, только что было без четверти семь, и вот уже половина девятого. Почему время так быстро мчится? Так неправдоподобно быстро? Лишь позднее, много позднее я осознала давнюю, непроверяемую истину: самая противоречивая вещь в мире — время, которое может либо тянуться невероятно медленно, либо мчаться стремительно быстро...

Все зависит от того, как ты относишься ко времени и как оно относится к тебе.

Иногда звонил телефон. Спрашивали Рубика или его жену, Володя отвечал коротко: — Позвоните завтра, — и вешал трубку.

Порой звонили ему. Он говорил так же коротко: — Да, нет, это не телефонный разговор, поговорим после. Хорошо, созвонимся...

Я не спрашивала его, с кем он говорил, но в душе переживала. Кто были те, кто звонил ему? Может быть, женщины? Или неведомые мне друзья? Его далекая от меня, во многом загадочная жизнь казалась мне обольстительной. Как же он, думала я, наверно, ярко и интересно живет! Ведь он знает многих знаменитых артистов, со всеми накоротке, всех называет по именам...

Я ревновала его не только к артистам, к артисткам, но и просто ко всем тем, с кем он встречался чаще, чем со мной.

Но я боялась, смертельно боялась оказаться назойливой, надоест ему, наскучить тоской о нем, которая не переставая грызла меня, когда мы не виделись, ревностью, доставлявшей мне несказанные мучения, терзавшей и денно и ночью, и потому я никогда не подавала вида, я всегда старалась быть с ним веселой, оживленной, беспечной, — одним словом, такой, какой не была на самом деле.

Иногда он рассказывал о своей работе, не очень, по правде говоря, подробно и щедро, но все-таки рассказывал.

От него я узнала, как он снимал извержение вулкана на Дальнем Востоке.

— Это было, как я сейчас понимаю, очень все небезопасно. Мы подошли почти к самому жерлу, летели камни, иногда с шумом вырывалась лава, а дыму было сколько, ты бы видела, сколько дыму!

Я представляла себе, как он со своей кинокамерой карабкается все выше, то пригибаясь к земле, то снова поднимаясь во весь рост, окутанный дымом, рискующий каждую минуту быть задетым случайным камнем, мне становилось страшно, а он продолжал:

— Один камень пролетел буквально в четверти миллиметра над моей головой и задел камеру, но, к счастью, не сломал ее...

Я улыбалась, чтобы он не понял, как мне даже теперь страшно за него, а он говорил с некоторым раздражением:

— Ты все смеешься, малыш! Вот уж поистине малыш...

А я все равно улыбалась, чтобы он не понял, чтобы он ничего не понял...

* * *

Иногда он задерживался в Москве подольше, и мы бродили с ним по улицам. Он любил Москву.

— Ведь я родился здесь, — говорил Володя. — И к тому же прожил многие годы, но я совсем не потому люблю Москву, просто она как-то душевно близка мне, понимаешь, душевно близка, а Ленинград — красивый, нарядный, добрый и все-таки не родной город...

Я понимала его. Я сама была так привязана к Москве, что, кажется, предложи мне самую лучшую квартиру в самом шикарном городе мира, я все равно отказалась бы, не представляя себе жизни нигде, кроме Москвы...

Я не знала, почему он переехал из Москвы в Ленинград. Он сам сказал как-то:

— Когда я окончил ГИК, мне предложили сделать сюжет — как разводятся мосты на Неве, ночью. Сюжет минуты на три, но это же была первая моя работа в кино! Можешь себе представить, как я к ней готовился!

Помолчал немного.

— В общем, все хорошо кончилось, но именно тогда я встретил Дину.

— Кого? — переспросила я.

— Дину, будущую жену, — коротко ответил он.

И все. Ничего больше. Догадайся, мол, сама.

И я догадалась: Дина — ленинградка, не хотела переезжать в Москву, пришлось ему переехать. Все очень ясно и просто.

Однажды нас занесло на аэровокзал.

— Люблю вокзалы, — сказал он. — Аэровокзал, автовокзал, просто вокзал, все равно, интересно. Сразу наводит на мысли о дальних странствиях, ты не находишь?

— Нахожу, — ответила я.

В середине зала были расположены телефоны, над ними виднелись крупные литеры:

«Информация».

— Тут можно узнать все, — сказал Володя. — Когда прилетает самолет, каким рейсом, когда улетает, когда будет на месте, ну и так далее.

— А я люблю больше телевизоры,— сказала я.— Нажмешь кнопку — покажется девушка, спросишь ее — она ответит, она тебя слышит, но не видит, а ты ее и слышишь и видишь.

Володя пристально посмотрел на меня.

— Совсем ты еще малыш, даю слово.

— Ну и пусть.— сказала я.— Старухой успею стать, а уж малышом — никогда.

Он засмеялся.

— Точно, двадцать копеек!

Когда ему нравилось что-то, он всегда говорил:— Двадцать копеек. Должно быть, давняя студенческая привычка.

Он подошел к одному из телефонов, снял трубку.

Наверное, ему ответили.

— Что я хочу знать? — повторил он.— Всего лишь навсегда одно: как обрести счастье? Вы знаете? Нет?

Медленно повесил трубку.

— Она со мной и разговаривать не стала.

— Кто?

— Ну та, что в телефоне. Перестаньте, говорит, граждане говорить глупости...

Быстрая улыбка мелькнула и погасла в его глазах.

— А если это не глупости? Если я и вправду желаю знать, как сделаться счастливым, что тогда?

Я не нашлась, что ответить. А он сказал, помедлив:

— В общем, это все и в самом деле глупости. Запомни, я — счастлив, основательно и бесповоротно.

— Точно? — спросила я.

— Конечно, точно.

— Почему ты счастлив?

Он засмеялся.

— Она еще спрашивает! Хотя бы потому, что рядом со мной вот такой прелестный, чудесный, солнечный малыш, как же мне не быть счастливым?

Разумеется, он шутил. У меня хватило ума понять, что это все так, несерьезно, пустые слова, которые ровным счетом ничего не значат.

Он никогда не говорил, что любит меня. Обычно отделивался именно такими вот, вроде бы безобидными, легкими шутками:

— Мой малыш лучше всех на свете! Разве это не так? Кто еще лучше моего малыша?

А мне бы хотелось, чтобы он сказал то, чего никогда не говорил. И хотелось признаться иной раз:

— Ты для меня самый дорогой! Самый любимый!..

Но я боялась отпугнуть его. И потому взяла на вооружение легкий, необременительно беспечный тон, потому-то так охотно и часто улыбалась, стараясь и вправду быть этаким прелестным, очарователь-

ным малышом, с которым отрадно и хорошо провести недолгие часы, который ничем решительно не затрудняет и ничего не требует...

Вскоре он уехал, и снова я стала жить всегдашним, уже привычным ожиданием новой с ним встречи.

Опять стала считать дни, подсчитывать, когда, хотя бы ориентировочно, можно ждать его приезда, опять стала звонить Рубику и слушать сердитый его баритон:

— Кто это? Почему вы молчите? Сколько можно молчать?

И вдруг... И вдруг однажды, когда я просто так, ни с того, ни с сего позвонила Рубику, я услышала Володин голос. Сомнений не было, это он говорил в трубку:

— Слушаю, да говорите же!

И, наверное, почти против своей воли я произнесла неожиданно:

— Здравствуй, Володя, это я...

Он закричал сразу же:

— Малыш! Как хорошо! А я собирался тебе звонить...

Ну и дура же! Нетерпеливая, глупая дура! Не могла еще немного подождать и дождалась бы его звонка. И все было бы тип-топ, все было бы так, как надо, а теперь, выходит, я навязываюсь, я пристаю, липну, словно банный лист, словно клейстер, и он, наверное, думает, как бы от меня избавиться.

А он между тем сказал:

— Слушай, малыш, ты мне нужный, очень даже нужный. Можешь приехать?

— Когда?— спросила я.

— Хоть сейчас. Говори, можешь?

Он еще спрашивал!

Не прошло и часа, как я уже звонила в знакомую дверь, он открыл и обнял меня.

— Дружочек,— сказал.— Малыш мой...

Я чуть было не крикнула:

— Повтори еще раз...

Но постеснялась. Вошла в комнату, спросила небрежно:

— Как дела? Все, надеюсь, в порядке?

Он промолчал. Я поймала его взгляд. Он смотрел на меня чуть растерянно, словно не узнавал или ожидал услышать какие-то другие слова.

— Эх, малыш,— произнес он с какой-то непонятной мне горечью.— Была бы ты чуть серьезней или старше годами, что ли...

— Когда человек молод, он должен знать, что это пройдет,— ответила я.— Пройдет с годами, так что можно не беспокоиться.

— Да, разумеется.— Он кивнул.— Слушай, малыш, только слушай серьезно. Идет?

— Идет,— весело согласилась я.

— Только серьезно,— повторил он,— нужна твоя помощь, очень даже нужна.

— Я готова!

— Отлично. Признаться, я о тебе и не думал, но, знаешь, кто мне подсказал? Рубик. Так и сказал: — Вот кто тебе поможет, только твой малыш, больше никто.

— Давай рассказывай, — попросила я.

— Я тебе не говорил о своей семейной жизни, — начал он. — Я вообще ни с кем не делюсь, моя жизнь дома — это моя жизнь, и больше никому о ней не положено знать. Разве не так?

— Так, — ответила я.

— Ну вот, стало быть, моя Дина — человек необычный. Умница необыкновенная, образованная, ну и, само собой, красивая, даже, я бы сказал, очень красивая, во всяком случае, никто не пройдет мимо, не заметив ее...

Каждое его слово камнем падало на мое сердце. Как же он хвалит свою Дину! Значит, он любит ее? Конечно, любит!

— У нас сын Вика, Викентий, в этом году поступил в институт театра, кино и музыки, на театроведческий факультет. Умница парень, скажу я тебе! Все вроде бы ничего, сама понимаешь, правда, я часто в командировках, такая у меня работа...

— Она тоже работает в кино? — спросила я.

— Нет, она биолог, заведует лабораторией, — ответил Володя. — В институте, где она работает, на нее просто молятся, она там самый что ни на есть ценный работник...

— Поздравляю тебя, — как можно более доброжелательно проговорила я.

Он махнул рукой.

— Чего там поздравлять, все пошло шиворот-навыворот. Случилась одна совершенно дурацкая штука. Бред, одним словом. В общем, все произошло так, как в самых банальных романах или в анекдотах полувековой давности.

— Все-таки объясни, — настаивала я. — Пока что непонятно. Что же случилось?

Он был прав, история была самая что ни на есть банальная.

Все произошло во время съемок. Ее звали так же, как и его жену, Диной. И она жила в той же гостинице, где и вся их группа. И ее даже как-то сняли в эпизоде. А фильм был документальный — история ильменского заповедника. И Дина сказала, что очень любит всяких животных, и Володя ее снял рядом с пятнистым оленем. И она была счастлива. Потом они снова встретились, ведь жили-то в одной гостинице. И еще раз встретились. И она призналась, что влюбилась в него. А когда он уехал, она приехала (Володя выразился так: приперлась!) к нему в Ленинград, прямо домой, на Васильевский остров.

И надо же: обычно в это время Дина уже на работе, а тут она почему-то задержалась, и он тоже был дома, Дина открыла ей дверь, позвала его, и та, вторая Дина, закричала:

— Вовик, милый! Я к тебе, навсегда...

При этих словах он опасливо взглянул на меня, должно быть, ожидая, что я засмеюсь или начну возмущаться, но я постаралась сохранить спокойствие, пропустила сказанное мимо ушей. Он продолжал:

— Ты не представляешь, малыш, что тут было! Мы едва избавились от нее, вернее сказать, я — жена ушла в другую комнату, заперлась там и не выходила до тех пор, пока я не выпроводил эту особу...

Если бы я не любила Володю, я бы наверняка возмутилась. Все это выглядело до того недостойно, до того, прямо скажем, мелко. И он тоже казался мелким трусом, который старался замазать свои грешки...

Но я любила его, он был лучше всех, самый лучший, самый любимый человек на свете! И я не хотела о нем думать.

Он замолчал. Я спросила:

— Что надо мне сделать?

— Помоги, — сказал он. — На тебя, малыш, вся надежда. Ты готов помочь мне?

Почему-то он обращался ко мне, словно к мужчине, это было и смешно и как-то удивительно трогательно.

— Готов, — ответил я.

— На тебя вся надежда, — повторил он. — Ты, малыш, очень у меня умный, и все понимаешь, и относишься ко мне очень правильно, очень здраво, разве не так?

Я не понимала еще, к чему он клонит, а он продолжал:

— Ты же не из тех дурух-девчонок, которые строят нелепые планы, которым кажется, что на этот раз — вот оно, самое что ни есть настоящее, ты же знаешь, я женат, у меня сын, у меня хорошая, крепкая семья, больше того, скажу честно, я люблю жену, люблю и уважаю ее, поверь: знала бы ты ее, ты бы согласилась со мной, ее нельзя не любить, она вполне достойна любви и всяческого уважения...

Я хотела спросить: «Ты ее любишь и уважаешь? Отлично. Ну а я что же? А ко мне как относишься? Какое место в твоей жизни занимаю я?» — и не спросила, постеснялась.

Может быть, он догадался, о чем я не спросила его.

Ласково, чересчур ласково улыбнулся мне.

— Пойми, малыш, меня правильно. Ты девочка на редкость здравомыслящая, жена — это жена, как говорил Чехов, а ты — это...

Он покрутил в воздухе пальцами.

— Ты — это прелесть, радость, с тобой так приятно побыть, поболтать...

У меня чуть не вырвалось: «Но от этого самого, от «побыть» и «поболтать» бывают порой дети, пора бы тебе знать об этом!» И опять промолчала.

— В общем, малыш, — сказал он, — вот какая у меня к тебе просьба: поезжай в Ленинград, поговори с Диной.

— Кто? Я?

— Ты,— спокойно повторил он.— Именно ты, малыш.— Больше никому.

Мне подумалось, что я ослышалась. Что я чего-то не поняла, что-то вообразила себе, а на самом деле он вовсе не то сказал, он сказал совсем, совсем другие слова, а мне померещилось.

Разве так не бывает?

Он не спускал с меня глаз и, казалось, понимал, что творится со мною.

— Моя судьба в твоих руках, малыш,— он говорил медленно, как бы вдумываясь в то, что говорит.— От тебя зависит, как все сложится в дальнейшем, буду ли я человеком или опущусь на самое, что называется, дно...

— Почему ты должен опуститься на дно? — как можно более спокойно спросила я.

— Потому что, как бы там ни было, что бы там ни случилось, у меня на первом месте семья, понимаешь? Се-мья, — он произнес недлинное это слово по слогам «Се-мья». — С женой и с сыном я — человек, я все могу, даже жить хочется только лишь потому, что они у меня есть...

Неужели он не понимал, что колет и жалит меня хуже самой острой, самой что ни на есть раскаленной иглы?

Неужели я для него ничего, решительно ничего не значила, что он при мне говорит высокие слова о своей жене, по существу объясняется ей в любви, не желая даже хотя бы на минуту подумать о том, каково это все мне слышать?

Он снова угадал мои мысли. Безошибочно, как и всегда.

— Ты, малыш, совсем, совсем другое дело.

Ласково обнял мои плечи, и они привычно дрогнули под его рукой.

— Ты мой маленький дружок, ты моя маленькая тайна, та, о которой никто не знает и не должен знать.

— Как летом холодная газировка,— пробормотала я.

Он услышал, засмеялся.

— Что, что ты сказала? Газировка? Какая газировка?

Не хотелось ему объяснять, как и что. Просто вспомнилось, однажды в школе, я тогда училась в девятом классе, наш литератор Казимир Львович Бунчуков, разумеется, мы звали его Бунчук или еще короче — Бун, как-то сказал, что любовь бывает разная. Одна — как у Татьяны Лариной или у Анны Карениной, когда всю жизнь отдать за любимого не жаль, когда охотно приносишь ему жертвы, самые тяжелые, а есть этакая любвишка, он так и выразился тогда — «любвишка», когда сердце молчит, а любвишка устраивает и приносит известную отраду, словно газированная холодная вода летом, в жару...

— Так, ничего,— ответила я.— В самом деле, совершенная чепуха. Он не стал допытываться.

— Значит, вот что тебе надлежит сделать, малыш, ты должна поехать в Ленинград.

Все это было донельзя запутанно и, как мне подумалось, не очень-то заслуживало доверия. Однако я не стала с ним спорить. В конце концов пусть так и будет, раз он желает этого.

Он даже билет мне взял, туда и обратно.

Я должна была, по идее, справиться за один день: утром приехать, вечером уехать «Стрелой».

В четверг вечером я сказала отцу:

— Завтра отправляюсь на дачу, в одну компанию...

Я старалась не смотреть на отца — не умею и не люблю врать, — и потом я никогда не врала ему. Но он тоже не смотрел на меня, на мое счастье, по телевизору транслировался матч на кубок страны, играл его любимый «Спартак», а когда играет «Спартак», то отец ничего и никого не видит и не слышит.

Поэтому, когда я в пятницу сказала отцу:

— Стало быть, сегодня еду на свадьбу, — он удивленно переспросил:

— На какую еще свадьбу?

Пришлось снова терпеливо объяснять, как и что, дескать, выходит замуж моя подруга (там, одна, ты не знаешь), и свадьба будет на даче, и мое присутствие обязательно.

Он вроде бы поверил, во всяком случае, не стал переспрашивать, кто там будет, далеко ли до станции, и проводят ли меня обратно на электричку, он молча, пристально поглядел на меня, я мгновенно отвела глаза, страшась его, еще немного — и не выдержу, признаюсь во всем, а он сказал печально:

— Была бы твоя мама жива, все было бы по-другому...

Я не хотела признаться, что те же мысли часто приходили и мне в голову.

Уже сидя в вагоне «Стрелы», я долго вспоминала отца, его доверчивый, обращенный ко мне взгляд и эти последние слова о том, что, будь мама жива, все было бы по-другому...

* * *

Я представляла себе Дину, Володину жену, почему-то крупной, громогласной, уверенной в себе, коса вокруг головы, яркий румянец, такая царь-девица, царевна-лебедь, одним словом, королевская стать, такую, должно быть, уговорить и убедить удастся не сразу...

Я позвонила в дверь, и она открыла мне. Я сразу узнала ее, хотя она совсем не походила на придуманный мною облик: хрупкая, чуть шире меня в плечах, коротко стриженная, смуглое, наверное, все еще хранившее летний загар лицо в осыпи мелких, едва заметных веснушек, и от этого она казалась молодой, моложе своих лет, не верилось, что ей уже сорок, что у нее взрослый сын-студент...

— Вам кого? — спросила она, стоя на пороге.

— Вы жена Владимира Петровича Н.? — спросила я.

Она кивнула.

— Мне надо с вами поговорить, это совершенно необходимо.

— Когда, сейчас? — переспросила она, голос у нее был звучный, хотя, как мне подумалось, чуть притушенный.

— Очень прошу, — сказала я. — Просто умоляю вас, выслушайте меня прямо сейчас, ладно?

Она пожала плечами.

Я прошла вслед за ней в большую, очень просто обставленную комнату. Дина села напротив меня, вынула из кармана пачку сигарет, по-мужски свободно, даже щегольски щелкнула зажигалкой, прикурила, глубоко затянулась.

Я смотрела на нее во все глаза. Вот она, любимая женщина Володи, которого я люблю всей душой, навсегда, навеки. А он любит ее, вот эти глаза, светло-карие, с твердой косточкой зрачка, эти губы, бледные, свободного очерка, не знакомые с помадой, эти щеки, в осыпи веснушек, эти коротко, по-мальчишески стриженные, вихрящиеся на макушке и надо лбом орехового цвета волосы...

— Все это очень смешно, — начала я. — Уверена, что и вы посмеетесь вместе со мной!

Я засмеялась, разумеется, притворно, но бледные губы Дины были плотно сжаты.

— Чему я должна смеяться? — помолчав, спросила она.

— Сейчас узнаете.

Ужасно трудно было начать. Сперва я учила то, что следовало сказать, вместе с Володей, потом, отрепетировав с ним, я повторила все в поезде. Временами мне казалось, слова так и польются с моего языка и она, Дина, безусловно поверит мне. Временами же думалось наоборот, она сразу же поймет всю как есть неправду и прогонит меня, предварительно высмеяв, уничтожив своим непритворным презрением.

— У вас недавно была девушка, — сказала я, с досадой ощущая, что не могу смотреть ей в глаза, никак не могу, как бы ни старалась. — Так вот, понимаете...

— Какая девушка? — перебила она. — О ком вы говорите?

— Помните, она была недавно, ну та, которая...

— А, — сказала она. — Та самая...

Задумалась на миг.

— Это моя подруга, мы с нею играем в одном драмкружке. Понимаете, у нас был такой этюд, пойти к какому-нибудь человеку, даже пускай и к совсем незнакомому и признаться ему в любви — и поглядеть, поверит ли он, только надо было признаться так, чтобы не только он, но и ты сама поверила, в общем, сыграть следовало как можно более убедительно и жизненно...

Тут я замолчала, мысленно дивясь, как это у меня складно все получается, как это я вот так вот, без запинки, ни разу не споткнувшись, будто с горы лечу, плету невесть что...

— Откуда вы знаете моего мужа? — спросила Дина.

— Ваш муж был как-то в фармацевтическом техникуме, а мы там учимся, он снимал урок, и мы все сидели в классе и смотрели, как он снимает, а потом моя подруга говорит: «А слабо узнать его адрес и пойти к нему...» Я говорю: «Почему слабо?» А она говорит: «Вот давай, изобрази этюд, что ты без него жить не можешь». А я говорю: «Лучше ты». А она говорит: «Ну что же, и попробую, думаешь, испугалась? Вот уж, ни капельки». А я говорю: «Не верю, слабо». А она: «А вот увидишь, не слабо, вот возьму и пойду к нему: узнаю адрес и двину к нему домой...»

— Помолчи минутку, — смеющимся голосом произнесла Дина. — Честное слово, у меня голова закружилась...

Улыбка ее разрасталась все сильнее, блеснули мелкие, ровные зубы, на щеке ямочка появилась, исчезла и опять появилась.

Я боялась взглянуть на нее, когда несла эти нелепости, плод убогого творчества Володи, а она поверила мне и сразу же преобразилась, повеселела, глаза стали светлее, словно бы больше и ярче, щеки порозовела.

— Ну и дурочки, — радостно произнесла она. — Ах, какие же вы дурочки, если подумать! Совесть вас заела? Не ожидали, что получится так убедительно? Да не извиняйся, глупая...

Я поняла, что она поверила, потому что хотела поверить и мои слова были для нее поистине благодатными, самыми нужными, манной небесной, душевным откровением, счастьем.

Куда девалась ее медлительная высокомерность, холодный, выскателный взгляд?

Она вскочила, исчезла куда-то, снова появилась, мгновенно расставила посуду на журнальном столике, любовно вглядываясь в мое лицо светящимися глазами.

Движения ее обрели стремительность, быструю ловкость, чашки словно пели в ее руках, ложечки нежно звенели, загадочным малиновым светом сияло варенье в хрустальной вазочке на высокой ножке.

— Вот, — говорила она, щедро накладывая мне в блюдечко варенье. — Пей, девочка, у меня нет ничего печеного, если бы я знала, я бы непременно испекла торт-утопленник, ты когда-нибудь пробовала торт-утопленник?

— Нет, — ответила я. — Не приходилось.

— Теперь попробуешь, — уверенно сказала Дина. — Я для тебя непременно испеку, у меня и сын и сын и муж обожают этот торт, понимаешь, он очень простой и такой вкусный, во рту тает, к слову, ты ничего не имеешь против, чтобы я тебя называла на «ты»?

— Нет, ничего, — сказала я.

Слушая Дину, я разглядывала комнату, в которой мы сидели. Вот тут, наверное, сидит Володя, это его место, на диване, может быть, чашка, из которой я сейчас пью чай, его чашка? И его губы касались этой тоненькой, ровно прочерченной золотой каемки?

Дина стала расспрашивать меня, кто мои родители, давно ли учусь в этом техникуме, какие у меня планы на будущее.

Володя предупредил:

— Если она будет спрашивать, как ты живешь, кто родители и все такое прочее, старайся не сочинять, говори одну лишь правду, имей в виду, Дина — человек очень чуткий, если соврешь, сразу же поймет.

Я спросила:

— Как же в таком случае ты поручаешь мне такое вот дело? Тут же сплошное вранье, с начала до конца?

— Да, — честно признался он. — Вранье, ничего не скажешь, но, надеюсь, она поверит тебе.

Подумал немного и произнес запомнившиеся мне слова:

— Она поверит тебе потому, что захочет поверить.

Он оказался прав, так и вышло.

Но как же трудно было смотреть в ее глаза, слышать ее голос:

— А мальчики у тебя есть? Ну-ну, не стесняйся, наверное, есть кто-нибудь? Ну и как? Ходишь с ним в кино или в театр? А маме что говоришь? Ах, мамы давно нет. Как жаль! А папа хорошо к тебе относится?

Губы ее улыбались, глаза сияли. Она была счастлива.

Мне стало нестерпимо совестно. До того совестно, что я даже закрыла глаза, чтобы не видеть Дину. Чтобы не встречаться с нею взглядом; словно бы в один миг, внезапно я осознала, какую нелепую, недостойную роль пришлось мне играть. И было удивительно странно — как же это я не сумела с самого начала понять всю эту постыдную игру? Как же могла так легко, бездумно согласиться поехать в Ленинград и вывалить этой женщине бездарную, наспех придуманную Володей историю?

Мысленно я обрушила на Володю миллион ругательств. Но, ругая и осуждая его, я понимала, не могу, как бы ни старалась, перестать его любить. Это было просто выше моих сил.

Мы договорились, что я позвоню ему, как только повываюсь с Диной.

Он так и сказал:

— Я никуда не уйду, буду все время ждать твоего звонка, помни о том, что я жду...

Он хорошо изучил меня, знал, что я люблю его и не захочу, чтобы он хотя бы одну лишнюю минуту оставался в неведении...

Я дошла до первого переговорного пункта, кажется, где-то на улице Герцена. Набрала номер Рубика, Володя мгновенно ответил мне.

— Ну, говори — нетерпеливо произнес он. — Как все было? Дина не выгнала тебя? А Вика был тоже дома? А как она выглядит? Как тебе показалось, она грустная, подавленная или все-таки ничего?

— Никак не сумею ответить сразу на все твои вопросы, сказала я. — Давай буду отвечать по порядку.

— Хорошо, — согласился он. — Только не тяни, говори сразу, все в порядке? Да? Она поверила тебе?

«Как же он любит ее, — с горечью подумала я. — Как волнуется, наверно, ночь не спал, все ждал, когда я позвоню...»

Невольно я спросила себя:

«Хотела бы я, чтобы он меня так же любил? Чтобы имел других женщин, и чтобы я знала, что он увлекается еще кем-то? Хотела бы я делить его с другими, не верить, подозревать, сомневаться и все-таки оставаться с ним?»

И мысленно ответила:

«Да. Хотела бы. Пусть будет все, что угодно, лишь бы он оставался со мной хотя бы ненадолго, но я бы все равно знала, он — прежде всего мой и только мой, я — самая главная в его жизни, самая что ни на есть, на самом первом месте!»

— Она поверила мне на все сто, — сказала я.

Володя проговорил удовлетворенно:

— Так, стало быть. И ты полагаешь, в самом деле, на все сто?

— Да, — твердо сказала я. — Именно так.

— Ты уверена? — переспросил он.

— Уверена, — ответила я.

Провожая меня, Дина вышла на лестничную площадку, прижалась к моему лицу щекой. Щека горячая, в пушке, словно персик. Глаза теплые, искрящиеся. И на щеке проклюнулась ямочка.

Тут, кажется, я впервые осознала: Дина и вправду очень красивая, и не только красивая, но и молодая, хотя у нее сын чуть старше меня. И ее можно любить. Очень даже можно. Недаром Володя так ее любит, удивительно в ней сочетание некоторой сдержанности с чисто девической, непритворной и непосредственной открытостью.

— Жаль, что ты не увидишь Вику, — сказала она. — Он уехал в совхоз, на картошку, приедет только через неделю.

И вдруг как бы спохватилась:

— Приходи к нам через неделю, ладно?

— Хорошо, — ответила я.

— Где ты живешь? — спросила Дина. — Не очень далеко от нас?

Я совершенно не знала города, была впервые в Ленинграде, но и этот вопрос был предусмотрен Володей.

— Совсем недалеко, — сказала Дина. — Впрочем, что для тебя расстояние? В конце концов, не имеет особого значения, не правда ли?

— Правда, — пробормотала я.

— В общем, приходи, — еще раз пригласила Дина. — Как раз, полагаю, спустя неделю явится наш сын. Увидишь его, какой он...

И еще раз прижалась на прощание своей щекой к моей щеке.

— Уверена на все сто,— повторила я.

Он помолчал немного.

— Ну, малыш,— сказал,— ну, милый мой, я знал, что ты все сумеешь выполнить на «отлично».

Я кинула в щелочку автомата новый пятиалтынный, потому что на маленьком световом табло появились слова:

«Ваш разговор окончится через тридцать секунд».

Но у меня было припасено достаточно пятиалтынных, я разменяла целую трешку.

— Билет не потеряла? — спросил он.

— Нет, конечно.

— Стало быть, вечером выезжаешь?

— Да, разумеется.

— Я тоже постараюсь выехать вечером,— сказал Володя.— Сейчас двину к Рубику в клуб, попрошу броню, буду раздобывать билет.

Он уже был весь во власти новых дел, новых забот: отправиться в клуб к Рубику, застать его, что тоже являлось не самым легким делом. Рубик обычно поржал по различным учреждениям Москвы и в клуб являлся только к вечеру, поехать в «Метрополь», достать билет. Может быть, у него были еще какие-то дела, не знаю, одно было ясно: мне уже нет места в его планах, мысли его сейчас решительно и бесповоротно далеки от меня...

В моем купе ехал военный с женой и семилетним сыном. Жена была толстая, должно быть, жаркая, словно перина, румяные щеки ее казались знойными и горячими, дотронешься — обожжешься, а военный — тощенький, низкорослый, и мне, глядя на них, думалось, наверно, она командует им, как хочет, а он охотно и радостно подчиняется ей.

В общем, ни муж, ни жена меня несколько не заинтересовали, только мальчик был забавный и разговорчивый. С первой же минуты поделился со мной, что в Ленинград они ездили к бабушке, бабушка старенькая, вдруг умрет, а у нее много всего, дом почти двухэтажный и погреб со всякой всячиной.

— Что значит, почти двухэтажный? — спросила я.

— Там наверно такой большой эдак, как его, баклон,— ответил мальчик.

— Как?— переспросила я.— Может быть, балкон?

— Вот-вот, балкон и комната еще тоже очень вместительная...

Должно быть, он слово в слово повторял то, что говорили взрослые. Как грустно было услышать:

— Бабушка у нас богатая. А если умрет, там соседи не растеряются, соседи, они знаете, какие?

Лицо мальчика было при этом озабоченным, он хмурил редкие, короткие бровки, а рот у него был прелестный, по-детски яркий, толстогубый.

«Неужели и Вика, их сын, тоже был такой? — вдруг подумала я и тут же опровергла себя:— Нет, он не был таким, не мог быть.

Чтобы перевести разговор с бабушки на что-нибудь другое, я спросила мальчика, как он учится.

— Плохо,— откровенно ответил он, подумал и добавил:— Правда, иногда хорошо.

— А какой урок самый лучший?

Он сказал, не задумываясь:

— Большая перемена.

Я долго не спала. Отец семейства похрапывал, лежа на верхней полке, с нижней полки доносилось до меня тихое дыхание мальчика. Изредка его мать стонала во сне, я подумала, наверное, ей снится, как соседи растаскивают добро ленинградской бабушки...

За окном лил дождь, ветер хлестал уже по-осеннему голые деревья.

Вдали послышался шум приближавшегося поезда. Очевидно, «Стрела» из Москвы.

Наверно, сейчас в этом самом поезде ехал навстречу мне Володя, должно быть, ему все-таки удалось достать билет до Ленинграда...

РЕЧНОЙ ЖЕМЧУГ

Обычно, приходя с работы, Марина приносила, как выражался ее муж Алексей, «новости в клюве». Еще стоя в дверях, еще не раздевшись, сообщала озабоченным, радостным, удивленным, печальным или, наоборот, ликующим тоном:

— Оказывается, человеческий нос растет в течение всей жизни, можешь себе представить?

— Строительство всего лишь одного бомбардировщика обходится дороже всех средств, отпущенных на борьбу против малярии.

— В Риге издается газета специально для тех, кто хочет жениться или выйти замуж, говорят, там таких вот объявлений уйма!

— В нашем магазине, знаешь, в том, «Три поросенка», завтра будет продаваться болгарский компот из черешни, надо бы взять банки три, что ли...

Алексей реагировал, хотя и довольно равнодушно, но доброжелательно:

— Ну? Неужели и мой нос будет еще расти?

— Я бы все бомбардировщики переплавил на всякую хозяйственную утварь.

— Тебе такое вот объявление, как известно, не понадобилось.

— Возьми банки четыре, не прогадаешь.

Он был то, что называется, рубаха-парень, открытый равно всем, и друзьям и недругам. Впрочем, недругов у него почти не было, уж очень покладистым родился. Кроме того, обладал неподдельным чувством юмора, помогавшим преодолевать многие жизненные неурядицы.

А Марина, окончательно исчерпав все новости, проходила в комнату, садилась на диван, бессильно опустив руки:

— До того устала, сил нет...

Она была врач-ортодонт, исправляла врожденные недостатки зубов у детей.

Иной раз Марина жаловалась:

— Закрою глаза и все время вижу зубы, одни лишь зубы, кривые, прямые, лопаточкой, налезавшие друг на друга, выпирающие наружу, мелкие, крупные, тупые...

И передергивала плечами.

— Жуть да и только!

Однако работу свою любила и думать не думала переменить специальность, переквалифицироваться или просто уйти в никуда, отдохнуть.

Алексей был талант. Так говорили все. Прежде всего так считала Марина. Прижимая к груди длинные, тонко вылепленные ладони с хорошо тренированными пальцами, она утверждала:

— Поверьте, не потому, что это мой муж, но он и в самом деле почти гений. Можно сказать, без пяти минут...

Он был врач-рентгенолог, недавно защитил диссертацию. Тема диссертации была сложная: «Особенности патологических изменений костей при заболевании органов кроветворения».

Защита прошла блестяще. Сам профессор Варшавский, заведующий рентгеновским отделением института, в котором работал Алексей, сказал:

— Я горжусь тем, что вы, Алеша, были моим учеником...

— Был и остался, — нашелся Алексей. — Поверьте, Станислав Платонович, до конца своих дней остаюсь вашим учеником...

Алексей никогда никому не льстил, говорил только то, что думал.

— Излишнее прямодушие иной раз не приносит никакой решительно выгоды, — говорил все тот же профессор Варшавский, известный своими «мо», сощуриив заплывшие, в мешочках, глаза. — Однако ваши слова, друг мой, не могут не тронуть меня, хотя, поверьте, я вовсе не тронутый, разве лишь молью.

И первый смеялся, в восторге от собственного витиеватого остроумия.

Марина и Алексей работали в одном лечебном институте, только, само собой, в разных отделениях, она — в детском, он — в рентгеновском.

Часто случалось, их смены не совпадали. Марина не скрывала, что скучает без Алексея, весь дом как-то пустел без него, не хотелось

ничего делать, ни убирать в комнате, ни стирать, ни готовить. Она брала книжку, но читать не могла, то и дело поглядывала на часы, наконец, раздавался долгожданный звонок, она мчалась открывать дверь. Он, сам...

И сразу же теплело на сердце.

Он был, конечно, покладистый, однако порой, не выдержав, упрекал ее, мягко, но настойчиво:

— Все-таки, старуха, могла бы хотя бы комнату привести в порядок, а то, гляди, все набросано, накидано, кругом бедлам...

— Ну что я могу сделать, Алешенька? — оправдывалась Марина. — Я без тебя, как без рук в буквальном смысле слова. Руки отваливаются, если тебя нет, ничего не хочется делать...

Как-то ее подруга врач-терапевт Ирена Шаховцева, высокая, холодноглазая красавица, придя в гости к Марине, сказала, неодобрительно кривя прекрасные, затейливо очерченные губы:

— Нельзя так любить мужа.

— Почему нельзя? — спросила Марина.

— Потому, что это недипломатично. Постарайся хотя бы как-то прятать свою любовь, а не то...

— А не то? — продолжила Марина.

— А не то приешься ему, так и знай!

— Неправда, — горячо воскликнула Марина. — Никогда я ему не приемся, можешь не сомневаться.

— Сомневаюсь, — возразила Ирена. — Попробуй есть все время один лишь шоколад, как думаешь, надоест?

— Шоколад — да, только не я Алеше, — утверждала Марина.

Она была уверена в себе и в нем. Они полюбили друг друга, еще учась в институте, и по сей день любовь их, казалось, была неисчерпаема.

Первого марта должно было исполниться девять лет со дня свадьбы.

— Надо отметить, — решила Марина. — Пусть не круглая дата, а все равно, за все эти годы мы ни разу не отмечали, теперь пришло время!

— Валяй, — поддержал ее Алексей, — тем более на днях я получаю гонорар за свою статью в журнале, так что действуй!

Марина была энергична и предприимчива. Все хлопоты охотно взяла на себя, достала продукты, приготовила сациви из кур, зажарила мясо по бабушкиному рецепту вместе с черносливом, картошкой и луком, напекла пирогов. Ирена — великий мастер салатов, приволокла из дома огромную миску с салатом по-французски: яблоки, капуста, апельсины, зеленый лук, петрушка, и все это щедро полито оливковым маслом пополам с майонезом.

Алексей пропылесосил коридор, комнату и кухню, особым составом протер кафель в ванной и в уборной. Квартира заблестела, словно бриллиант, вымытый в нашатырном спирте.

Гостей было немного, все больше друзья, с которыми вместе учились в Третьем медицинском. С работы была только лишь лучшая подруга Марины Ирена, неотразимая в строгом черном платье с серебряной цепочкой на груди.

Пили, ели, танцевали, до утра пели старые студенческие песни. И вспоминали о чем и о ком угодно. О давних временах, о старых педагогах, о всяких смешных, забавных или грустных случаях в прошлом, которые случались с ними.

Разошлись поздно, к самому началу работы метро. И клятвенно обещали друг другу встречаться по возможности чаще, помнить о том, что где-то, не так уж далеко живут друзья и о них не положено забывать. Ни в коем случае не положено.

На следующий день вечером Марина сказала:

— Надо бы открыть окна в комнате и на кухне, ты не находишь, Алешенька?

— Нахожу, — отозвался Алексей. — Вчера, когда все собрались, было довольно душно.

— Стало быть, откроем, — решила Марина.

— А не рано ли? — усомнился Алексей. — Все-таки не май еще, а всего лишь март...

— Нет, откроем, — сказала Марина. — Совсем не рано.

И еще сказала:

— Знаешь, надо бы вызвать кого-нибудь из «Зари», чтобы вымыли окна и, кстати, убрали бы хорошенько в комнате после вчерашнего.

— Если хочешь, я мог бы вымыть, — вызвался было Алексей, но Марина прикрикнула:

— Еще чего! Только тебя не хватало...

И он покорно замолчал, а она в тот же вечер позвонила в фирму «Заря».

Спустя шесть дней в субботу явилась девушка невысокого роста, коротко, почти по-мальчишески стриженная. Сказала:

— Я из «Зари». Что надо делать?

— Какая вы маленькая, — удивленно протянула Марина. — Сколько вам лет-то?

— Почти двадцать, — ответила она, — зовут меня Сима, фамилия Степанова, но все зовут Степаша. Так что надо делать?

Все это она произнесла единым духом, словно бы без единой запятой.

— Надо вымыть окна в комнате и на кухне, — ответила Марина, чуть растерявшись от ее деловитости, — и еще вообще убрать все вокруг, поскольку вы пришли.

— Идет, — сказала Степаша, огляделась кругом.

— Вы одна дома?

— Одна. А что?

— Хочу переодеться.

Марина деликатно отвернулась, а Степаша, быстро прошуршав за ее спиной чем-то легким, предстала перед ней в сатиновом синем халатике, на голове синяя же косынка.

— Начнем, — сказала Степаша, туго подпоясав свой халатик узким кожаным поясом.

Она была быстрая, ловкая, поистине все горело в ее умелых руках.

Стекла окон в комнате и на кухне засверкали под лучами утреннего, постепенно разгоравшегося мартовского солнца, натертый пол блестел, словно покрытый лаком.

Марина с удивлением поглядывала на Степашу: на вид хрупкая, почти девочка, а как все спорится, как быстро и справно работает, просто диву даешься...

Когда Степаша прибрала все кругом, Марина накрыла на стол, позвала ее:

— Давайте, Степаша, закусите, выпейте чайку.

— С удовольствием, — охотно согласилась Степаша. — Только сперва переоденусь и вымоюсь.

Она заперла дверь ванной, потом Марина услышала, как зашумел душ.

«Бедняжка, — пожалела ее Марина. — Живет, очевидно, в общежитии, нет ванны, а вымыться-то охота».

Степаша вышла из ванной вся словно бы побелевшая, прямые, короткие волосы зачесаны назад, на вид кажется еще моложе, чем на самом деле.

Села за стол, не чинясь, съела бутерброд с колбасой, умяла полпачки печенья, выпила два стакана чаю. Сказала как бы в свое оправдание:

— Я как ушла с утра, так ничего во рту еще не было.

И Марина снова пожалела ее. До чего все-таки жаль девочку, такая молодая, а должно быть, нелегко ей приходится...

Разумеется, не обошлось без расспросов, Степаша отвечала Марине с готовностью и вроде бы не таясь, совершенно откровенно.

Отца у нее не было, одна мать и еще младший братишка, школьник. Мать работает в Воронеже приемщицей в прачечной, женщина очень хорошая, трудолюбивая, старательная, только не везет ей, ни в чем не везет...

— Чем не везет? — спросила Марина. Степаша пожала плечами.

— Все не те мужики плывут к ее берегу, один хуже другого.

— А она не замужем?

— Какое там!

Степаша махнула рукой.

— Никогда не была замужем, и я и брат оба от разных молодых.

Марину резанула эта откровенная манера говорить так о матери. В конце концов не посторонняя женщина, не подруга, не соседка по лестничной клетке, самый родной на свете человек.

А Степаша между тем продолжала:

— Теперь много таких женщин, легковых, недолго раздумывающих.

— Это вы так о маме? — не веря своим ушам, спросила Марина.

— О ком же еще?

Степаша вздохнула.

— Сколько раз я ей говорила: не доверяй никому, будь пожестче, куда там, разом теряет голову и — катится по наклонной плоскости, куда, и сама не знает...

Марина не переставала дивиться про себя. Ну и девочка! Ну и разговор!

Позднее, когда Степаша стала бывать в их доме, Марина уже не удивлялась, хорошо узнав ее. Степаша не притворялась, не интересничала, не пыталась казаться невероятно откровенной, искренней донельзя. Она и в самом деле была искренней и откровенной.

— Если бы вы знали, как мне все это надоело, больше всего, конечно, мамы хахали. Я об одном только мечтала — поскорее уехать, хорошо бы в Москву.

— Вот и сбылось ваше желание, — заметила Марина.

— Сбылось, — согласилась Степаша, — правда, наполовину, я хотела поступить в университет, на филологический, и вот...

Степаша развела обе руки в стороны.

— Не прошла...

— Как не прошла? — не поняла Марина.

— Недобрала двух очков, — пояснила Степаша. — Конечно, была бы москвичка, да еще блат бы имела такой, какой требуется, то да се, звонок по телефону от нужного человека, нажаты нужные кнопки, все связи налицо, уверяю вас, никто ни на что бы не поглядел, приняли бы меня за милую душу.

— Зачем вы так говорите, Степаша? — возмутилась Марина. — У нас, в наших вузах так не бывает, у нас относятся к абитуриентам вполне объективно, так, как они того заслуживают. Помню, когда я поступала в Третий медицинский...

Она оборвала себя. Встретила Степашин взгляд и не смогла продолжать дальше, глаза Степашы смотрели на нее с откровенной насмешкой, которую Степаша и не пыталась скрыть. И Марине вспомнилось: Алеша иногда называл ее «Святая наивность»...

— Ты всегда всему веришь, — говорил Алеша.

— Тебе это не нравится? — спрашивала Марина. А он отвечал:

— Не то чтобы не нравится, просто я считаю, это для тебя в первую очередь невыгодно.

— Значит, надо быть недоверчивой, подозрительной? Ты меня к этому призываешь? — спрашивала Марина. А он улыбался:

— Ни к чему я тебя не призываю, просто будь немного более трезвой и перестань верить всему и всем.

— Бросьте, — спокойно, непререкаемо уверенно сказала Степа-ша. — Будто сами не знаете?

Вдруг в один миг она показалась старше своих лет и такой какой-то усталой, все видевшей, все знающей...

И Марина, еще не сдаваясь, но уже куда более вяло сказала:

— Вы как хотите, а я буду стоять на своем.

— Ну и стойте, — насмешливо произнесла Степаша, не сдержавшись, фыркнула, но немедленно извинилась: — Вы меня простите, Марина Тимофеевна, это у меня чисто нервное.

— Прощаю, — сказала Марина, налила ей третий стакан чаю.

— Таким образом, вы стали работать в «Заре»? — спросила.

Степаша кивнула.

— А куда деваться? Тут по крайней мере общежитие дают и вообще, я высчитала, если не филонить, можно будет, поскольку есть где жить, подготовиться и опять подать в университет или, на худой конец, в педагогический.

— Безусловно, — подтвердила Марина. — Безусловно, можно.

Неожиданно раньше времени пришел Алексей, стоя в дверях, пожаловался:

— Зверски болит горло, должно быть, ангина.

Среди немногих недостатков Алексея был один, изрядно досаждавший всем, кто его знал: он был мнителен, вечно находил у себя всевозможные болезни, любил лечиться и подолгу говорить о различных, одолевавших его хворобах.

— Можно подумать, что ты не доктор, а самый обыкновенный, вульгарный больной, — говорила иной раз Марина.

— Почему ты так думаешь? — удивленно вопрошал Алексей.

— Потому что врачи обычно не мнительны, это прерогатива больных, и то не всех, а самых что ни на есть занудливых.

Алексей не возражал и не обижался. Говорил:

— Да, я мнительный. Сам знаю, но ничего не могу поделать. Алексей старательно кашлял, прижимая ладонь к горлу.

— До того болит...

— Пройдет, — спокойно сказала Марина.

Вдруг вмешалась Степаша!

— Как это пройдет? Да что вы? Зачем вы так говорите? Ничего само собой не проходит.

Быстро ринулась на кухню, через минуту показалась снова.

— Я поставила чайник, сейчас сделаю вам полоскание, потом выпьете чай с малиной, у вас есть малина?

— Есть, — пробормотала Марина. Алексей, широко раскрыв глаза, смотрел на Степашу.

— Это наша помощница из «Зари», — пояснила Марина.

— Если хотите, я буду к вам приходить регулярно, — сказала Степаша.

— Еще как хотим! — воскликнул Алексей.

Он любил, когда за ним ухаживают и, главное, верят его болезням, как действительным, так и придуманным.

Степаша словно бы сразу догадалась делать все так, как ему по душе. Сперва подала полоскание из соды с солью, сказала:

— Хорошенько полоскайте горло...

Алексей полоскал горло, подолгу держа воду во рту, потомпил чай, заваренный Степашей по какому-то, только ей известному рецепту.

Онпил, а Степаша приговаривала:

— Вот так, теперь сразу лучше будет, вот увидите...

Марина усмехалась про себя. Девочке удалось угодить ему. И отлично, очень даже хорошо, большего желать невозможно.

Степаша стала бывать у них, как и пообещала, регулярно, раз в две недели.

Ей не надо было долго растолковывать, что и как следует сделать, все сама превосходно знала: приходила она нередко, когда оба, и Марина и Алексей, были на работе, ключ для нее оставляли у соседки, в квартире рядом, убирала в комнате, в коридоре, на кухне, порой даже готовила обед, порой стирала кое-какую мелочь: салфетки, кухонные полотенца, косынку или шарфик. Однажды постирала и погладила три Алексеевы рубашки, любо-дорого было поглядеть, рубашки будто только-только из «Снежинки».

Марина не могла нахвалиться на Степашу, и Алексей говорил:

— В самом деле, нам с этой девочкой повезло, как никому!

— Я в маму, — рассказывала Степаша. — Мама у меня тоже умелая — огонь.

Однажды вечером Алексей купил три билета в кино, сказал:

— Кажется, завтра придет Степаша?

— Должна, — ответила Марина.

— Вот мы порадуем ее, пойдем все вместе в кино. Говорят, картина просто замечательная.

— Какой ты, — сказала Марина, восторженно глядя на Алексея, — какой ты, Алеша, замечательный. Всегда обо всем подумаешь...

Обняла его, крепко поцеловала. В самом деле, что за человек, какая необыкновенная чуткость, отзывчивость, право, должно быть, один такой на сто тысяч или даже на целый миллион!

Степаша пришла, как и обещала, рано утром, Марина сказала ей:

— Не уходи, Степаша, сегодня, когда мы вернемся домой, пойдем все вместе в кино.

Глаза Степашы радостно блеснули.

— Ну, неужели? А на какую картину?

— «Карнавал», слыхала?

— Еще бы нет! На «Карнавал» билетов никогда не достанешь. Внезапно лицо ее омрачилось.

— Нет, не смогу пойти, совсем забыла...

— Что забыла? — спросила Марина.

— Мне надо ехать на вокзал, маме посылку в Воронеж отправить.

— А завтра нельзя?

Степаша покачала головой.

— Надо же так: наш воронежский именно сегодня уезжает, я хотела с ним маме конфеты передать, апельсинов, у меня братишка любит апельсины, и еще я достала импортный стиральный порошок, очень хороший.

— Жаль, — сказала Марина. — Алексей Петрович взял три билета, рассчитывая и на тебя также.

— И мне жаль, — вздохнула Степаша.

Вечером, возвращаясь из кино, Марина сказала Алексею:

— Наша Степаша, оказывается, к тому же еще и заботливая дочь, хотя любит покрывать свою мать.

— Ты всегда и во всем ищешь хорошую сторону, — усмехнулся Алексей, впрочем, тут же согласился с Мариной, — вообще-то это совсем неплохо.

— Что неплохо?

— То, что ты любишь искать хорошее. Но я не спорю, наверно, Степаша и вправду хорошая дочь, это на нее похоже.

А в кино они как-то пошли все вместе, на этот раз сама Степаша позаботилась, пришла к ним, объявила:

— Приглашаю вас завтра на французскую картину, все говорят, обалденная.

— Степаша, ну что за выражение, — сказала Марина, — ты же культурная девочка, а говоришь, словно...

Она замялась, Степаша подхватила, смеясь:

— Словно из глухой провинции, не правда ли?

— Я совсем не то хотела сказать, — смутилась Марина, но Степаша снова повторила:

— Словно из глухой провинции. А разве я не из провинции, если так подумать?

Она отличалась врожденным умом, была бесспорно тактична, умела не замечать того, чего не следовало заметить, вовремя смолчать или же вовремя сказать нужное слово.

Но больше всего в ней подкупала ее искренность, которой невозможно было не верить. И еще — абсолютная, так редко встречающаяся в наши дни правдивость. Она могла смолчать, но не солгать, сама признавалась:

— Мне все подруги всегда говорили: вредно быть такой, как ты. Но себя не переделаешь...

— Чем же вредно? — спрашивала Марина, и Степаша поясняла подробно:

— Например, не выучу уроки в школе, надо бы сказать: я болела, мама болела, брат чуть не утонул, у нас там были такие девочки,

каждую неделю кого-нибудь хоронили, и, представьте, учителя им верили. А я, если не выучу, так говорю, как есть: «Не было времени... Очень устала, весь день пришлось стирать» или прямо так и врещу: «Не хотелось учить, просто ни в какую...» А еще мама приведет домой нового хахала, спросит меня потом: «Как он тебе?» А я прямо так, в открытую: «Мне не очень».

Она обижается, и ему зачем-то передаст, мама у меня такая же, что на уме, то и на языке, не умеет ничего скрывать, вот и получается конфликт.

— Я тоже не дипломат, — говорила Марина. — Но ты, Степаша, по моему, чемпион по прямоте.

Степаша соглашалась с нею.

— И я тоже так считаю.

Марина ловила себя на том, что все больше привыкает к Степаше, непритворно скучая, когда ее не было. Однажды Алексей тоже признался: без Степашаши в их доме как-то пусто.

Вот тогда Марина решила: надо непременно ребенка. Во что бы то ни стало. Разумеется, ребенок осложнит их жизнь, может быть, даже придется на какое-то время уйти с работы и жить на одну лишь зарплату Алексея, но как бы там ни было, а ребенок нужен.

Пока что ребенком в доме стала Степаша.

Было так отраднo побаловать девочку какой-то обновкой, сводить ее в театр, достать для нее билеты в цирк.

Степаша умела радоваться каждому пустяку, новой кофточке, шарфику, тапочкам, даже пирожному, даже самому обыкновенному шоколадному батончику с кремовой начинкой.

— Это мне? — спрашивала и бежала к зеркалу примерить кофточку, приложить к лицу шарфик, обуть тапочки.

Бурно обнимала Марину:

— Марина Тимофеевна, родная вы моя, большое-пребольшое спасибо!

— Что, никак угодила? — довольно спрашивала Марина.

— Еще как! Лучше не придумаешь...

Обычно, быстро управившись со всеми домашними делами, Степаша начинала рассказывать о своих подругах из «Зари». О том, какой у кого характер, кто что любит, кто с кем дружит, из-за чего ссорится. Она была остроглаза, умела подметить наиболее характерное и смешное.

Марина и Алексей со смеха покатывались, когда она изображала какую-нибудь свою подругу, особенно доставалось ее соседке по общежитию, толстухе Инне, приехавшей из Чернигова.

— Вот такой ширины, вот такой вышины. — Степаша обводила вокруг себя руками. — Килограммов на сто с лишком, честное слово, не меньше.

Инна была влюбчива, сентиментальна и необыкновенно разговорчива.

Влюбившись в очередной свой предмет (она, как нарочно, выбирала все больше красивых и видных мужиков, которые на нее никак не обращали внимания), Инна начинала всем и каждому рассказывать, что сказал он, а что она, как он поглядел, как улыбнулся, причем повторяла все это по нескольку раз, наворачивая все новые подробности.

— А я ее нарочно расспрашиваю, а она говорит, говорит, никак перестать не может, словно испорченный кран,— рассказывала Степаша.

— О чем же ты ее расспрашиваешь?— спросила Марина.

— Обо всем. Например, как он на нее поглядел или когда она поняла, что он в нее втрескался...

— А ты веришь тому, что она говорит?— спросила Марина.

— Конечно, не верю. Да и кто поверит?

— В таком случае это жестоко с твоей стороны. Не веришь ни одному слову, в душе смеешься над нею и продолжаешь расспрашивать. Просто странно слышать такое вот от тебя, ты же всегда говоришь правду; одну только правду.

— А разве я лгу?— спрашивала Степаша.— Я же не говорю ничего, ни единого слова, просто слушаю и спрашиваю.

— А если бы она спросила тебя, веришь ли ты ей, что бы ты сказала?

Степаша засмеялась.

— Она не спросит. Ей мое мнение до лампочки, лишь бы самой выговориться, пока сама не поверит.

— Ну, хорошо, а все-таки если бы спросила?

— Я бы сказала, разумеется, то, что есть. Я бы сказала: не верю тебе, ни одному твоему слову, да и ты сама себе не веришь, так-то...

Однажды, когда все трое были на концерте в Колонном зале, им встретилась Ирена Шаховцева. Сузив прекрасные, продолговатые глаза, о которых говорили: совершенно египетские,— Ирена оглядела всех троих, чуть скривила краешек рта:

— Чисто семейная вылазка?

— А что?— спросила Марина.— Что тебя удивляет?

— Меня?— Ирена пожалла покатыми, словно на старинных гравюрах, плечами.— Меня уже давно ничего не удивляет.

На следующий день в институте Ирена сказала:

— Как можете вы оба с Алексеем, интеллигентные люди, даже не во втором, а в третьем поколении, бывать на этих концертах!

— Разве это неприлично?— удивленно спросила Марина.

— Тут совсем не та категория, просто такая вот сборная солянка не для вас.

— Вот как,— не без ехидства парировала Марина.— А сама-то сама-то? Тоже, гляжу, не в консерваторию, а именно сюда, на сборную солянку приперлась.

Ирена укоризненно сдвинула длинные, густые брови.

— И это ты говоришь? Будто не знаешь моих обстоятельств?

У Ирены была сложная, затянущаяся любовная история, о которой, кроме Марины, никто в институте не знал. Возлюбленный Ирены был дирижером эстрадного оркестра и требовал, чтобы Ирена присутствовала на всех его выступлениях.

— Приходится,— говорила слегка иронически Ирена,— лень спорить, доказывать, что устала или что вообще не люблю легкой музыки, потому приходится уступать и ходить на все эти зрелища...

— Прости, если можешь,— несколько натянуто произнесла Марина,— право же, я тебе не хотела говорить ничего неприятного.

— Верю.— Ирена кивнула красивой головой.— Зато я тебе хочу сказать несколько слов, которые, может быть, и не совсем понравятся тебе. Идет?

— Идет,— согласилась Марина.

— Что это за альянс с этой девчонкой?

— С какой девчонкой?— чуть холоднее и суше, чем хотела, спросила Марина.

— Будто не знаешь. Она у вас, когда ни придешь, торчит целыми вечерами. Теперь уже развлекаться вместе с нею начали ходить. На что это, скажи на милость, похоже?

— Ни на что не похоже,— все так же сухо ответила Марина,— мы к ней привязались, девочка хорошая, чистая, как-то оживляет жизнь...

— Перестань,— резко оборвала ее Ирена,— неужели не понимаешь, к чему это может привести? Что из этого всего может получиться?

Она выразительно поглядела на Марину, и Марина, без слов поняв все то, что хотела сказать Ирена, мгновенно ответила ей:

— Пусть будет стыдно тому, у кого дурные мысли!

Так говорил обычно их старый учитель профессор Духоборский.

Не говоря больше ни слова, Ирена повернулась, пошла по коридору в свое отделение.

Марина посмотрела ей вслед. Почему-то подумалось в этот миг, когда-нибудь ей вспомнится все, что было сейчас: слова Ирены, насмешливый и в то же время жалеющий ее взгляд, белые стены коридора, старая яблоня, настойчиво заглядывающая со двора в окно, и собственный уверенно звучащий, как бы чужой голос.

Степаша окончательно освоилась, стала поистине своей в их доме.

Теперь она приходила не один раз в две недели, а гораздо чаще, порой даже раза два за одну неделю. Как-то осталась ночевать. По правде говоря, она и не думала остаться, но погода была сумрачной, холодной, надвигался дождь, Марина ясно видела, девочке до того

неохота выходить из теплого дома на дождливую улицу. Она первая предложила:

— Оставайся у нас...

— Нет, нет,— запротестовала Степаша,— мне завтра очень рано вставать.

— Почему?— спросил Алексей.

— Обещала в один дом прийти, убраться после ремонта.

Степаша сладко, со вкусом зевнула. И Марина как бы впервые увидела ее мелкие, должно быть, острые и крепкие зубы.

— Вот это зубы,— сказала Марина,— наверно, свободно можешь грецкие орехи перегрызть.

Степаша кивнула.

— Какие там орехи! Могу гвоздь пополам перекусить, хотите покажу?

— Нет уже, избавь пожалуйста,— Алексей замахал обеими руками,— еще чего придумаешь?

— А вы не бойтесь, Алексей Петрович, ни один зуб не сломается, а гвоздь пополам,— заверила его Степаша, но Алексей решительно произнес:

— Не надо, очень тебя прошу!

Марина открыла ящик шкафа, вынула свежую простыню, пододеяльник, натянула пододеяльник на плед, надела новую наволочку на подушку. Сказала Степаше:

— Принеси раскладушку, она в коридоре, на антресолях.

— Будто бы я не знаю,— ответила Степаша. Мигом принесла раскладушку:

— Я на кухне могу переспать,— сказала, но Марина и Алексей, оба в один голос:

— Никаких кухонь! Ложись здесь...

Степаша поставила раскладушку возле самой двери, когда погасили свет, быстро разделась, весело проговорила:

— До чего хорошо...

И тут же заснула. Марина улыбнулась:

— Что значит молодость, уже спит без задних ног.

— Ты тоже быстро засыпаешь,— заметил Алексей и добавил резко:— Впрочем, ты тоже недалеко от молодости.

— А все-таки,— грустно ответила Марина,— тридцать два, это тебе, как ни говори, не двадцать...

— И все-таки не так уж далеко,— настаивал Алексей.

Марина поцеловала, словно клюнула, Алексея в щеку.

— Ты у меня гуманист, альтруист и филантроп.

Это тоже была давняя присказка все того же профессора Духоборского, Марине присказка понравилась, и она еще в институте взяла ее на вооружение.

Степаша встала чуть свет, убрала раскладушку обратно, на антресоли, аккуратно сложила подушку, простыню, пододеяльник. Хотя и двигалась тихо, осторожно, словно мышка, однако Марина проснулась, глянула на будильник.

— Еще половина пятого...

— Спице, спице, — прошелестела Степаша, — вам еще добрых три часа спать можно...

— Верных два с половиной, — ответила Марина, вновь засыпая.

Утром дождь разгорелся вовсю, крупные дождевые капли стекали вдоль окна, туман поднимался над крышами домов.

— Ну и погода, — поежилась Марина, — как-то там наша бедняжка?

— Какая бедняжка? — спросил Алексей.

— Степаша. Наверное, вымокла до нитки.

Алексей внимательно посмотрел на Марину. Она спросила:

— Почему ты так глядишь на меня?

— По-моему, ты созрела, — сказал он задумчиво.

— Для чего созрела?

— Чтобы иметь ребенка.

— А ты хочешь? — помедлил, спросила Марина.

— Хочу.

Алексей подошел к ней, ладонью откинул челку с ее лба, прижался щекой к ее щеке.

— Будем тогда вместо того, чтобы беспокоиться о Степаше, волноваться за своего, собственного. Как, согласна?

Марина крепче прижалась к его щеке, на миг закрыла глаза. Вот так бы стоять всю жизнь, рядом с ним, своим единственным, и чтобы так было всегда, всегда.

— Согласна? — переспросил Алексей.

Она ответила чуть слышно:

— И ты еще спрашиваешь...

* * *

Отпуск у Алексея и Марины совпадал: с середины июля по середине августа, самое доброе время для отдыха.

Думали, гадали, решали, хотелось и на остров Валаам, поглядеть старинные церкви, построенные без единого гвоздя, и на юг, к Черному морю, хорошенько позагорать под жарким солнцем, и в прохладе Прибалтики...

Впрочем, Марина знала, все кончится, как и обычно, поездкой к родителям Алексея, в станицу Александровскую. Алексей — хороший сын, за год успел соскучиться по своим старикам, и они, само

собой, тоскуют по нем, в общем-то, неплохо относятся к Марине, у них жить удобно, бесхлопотно, беззаботно, почему бы и не поехать в самом деле?

— А ты куда поедешь, девочка?— спросила Марина Степашу,— наверно, к маме, в Воронеж?

— Вот уж нет,— ответила Степаша,— чего я там не видела?

— Ну да?— протянула Марина, слегка разочарованно, думала, Степаша, должно быть, соскучилась по матери и по брату и поедет к ним, домой.

— Я еще не решила окончательно,— сказала Степаша,— поживу, подумаю.

Отодвинула от себя пустую чашку, расстегнула верхние пуговики блузки, голубой в мелкий горошек, подарок Марины к Маю.

— Тебе что, жарко? — спросила Марина.

— Ужасно,— ответила Степаша,— может быть, оттого, что я целых две чашки чаю выпила?

Взяла посудное полотенце, стала обмахиваться им, словно веером.

Марина заметила на Степашинной шее нитку жемчуга.

— Смотри,— сказала,— это что, настоящий?

Степаша тронула рукой жемчуг.

— Конечно, настоящий, это — речной, я сама его собирала.

— Ну да? — не поверила Марина.— Как это, сама?

— А вот так. Я когда еще в школе училась, каждое лето ездила в деревню к деду, маминому отцу, бабушки давно уже не было, дед жил один, вот я к нему и ездила. Бывало, не успею приехать и сразу же на озеро, не помню, как оно называлось, скорей всего было безымянное, но большое такое и глубокое озеро, и в нем водился жемчуг, вот этот самый...

Степаша потянула нитку к себе.

— Вы не смотрите, что он маленький, неровный, он, знаете, какой крепкий? Его даже камнем раздробить трудно...

Степаша сняла с шеи нитку, протянула ее Марине.

— Хотите, попробуйте, ударьте молотком, не расколете, уверяю вас!

— Что ты, Степаша, зачем мне бить по нему молотком?— удивилась Марина.

— А вы попробуйте,— настаивала Степаша.

— И пробовать не хочу и не буду,— сказала Марина,— я тебе и так верю.

— А хотите, я подарю его вам? Нет, правда, хотите? Если вам нравится, возьмите, пожалуйста...

— Да что ты, мне не нужно,— сказала Марина, но Степаша не отставала от нее:

— Возьмите, Марина Тимофеевна, я же вижу, вам нравится, возьмите, прошу вас...

Лишь тогда, когда Марина сказала, что никогда не носит и не любит никаких украшений, Степаша отстала.

Снова надела на себя свой жемчуг.

— Я к нему привыкла, столько лет ношу, не снимаю.

— Вот видишь, а хотела мне подарить.

— Мне для вас ничего не жаль, — пылко ответила Степаша, — Все для вас отдам, ни о чем не пожалею никогда в жизни! Верите?

Марина усмехнулась.

— Конечно, верю.

Она и в самом деле верила ей, с каждым днем убеждалась, девочка на редкость правдива, даже в шутку солгать не сумеет.

Заложив руки за голову, Степаша глядела слегка сощуренными глазами на лампу.

Щеки в первом весеннем загаре, короткие ресницы уже успели выгореть, и короткие, прямые волосы на лбу и на висках тоже выгорели, стали пегие, и все-таки, пусть невзрачная, некрасивая, она была хороша своей неподдельной, слегка осмугленной солнцем молодостью.

Марине захотелось сказать Степаше какие-то добрые слова, но она никак не могла придумать, что сказать.

Легко погладила ее по плечу.

— Вы что? — улыбнулась Степаша.

Марина так же улыбнулась в ответ.

— Так, ничего. Ты довольна, что встретила нас с Алексеем?

— А вы как думаете? — спросила Степаша.

Однажды рано утром, когда Марина шла на работу, ей повстречалась соседка, жившая в квартире напротив; весь дом звал ее одинаково — Попрыгунья.

Невысокая, почти карлица, когда шла, то немного подпрыгивала, как бы стремясь обогнать всех прохожих, потому-то ее и прозвали Попрыгуньей, она была превеликая сплетница. Казалось, главное занятие ее жизни — следить за всеми, кто как живет, с кем общается, о чем говорит, что покупает и какой обед ест...

Попрыгунья отличалась острой наблюдательностью и была необыкновенно подвижна, несмотря на свои без малого семьдесят.

— Дорогая моя, — крикнула Попрыгунья вслед Марине. — А ну, подождите, куда же вы?

Марина, изрядно недолюбливавшая Попрыгунью, с детства не выносила сплетниц, нехотя обернулась.

— Простите, спешу, опаздываю на работу.

— Успеете, — деловито бросила Попрыгунья, поравнявшись с Мариной. — Я ведь, милая, вот что хотела вам сказать...

И сказала. И слова ее мгновенно, разом обожгли Марину.

— Не может быть, — опомнившись, немного придя в себя, начала Марина, — никогда не поверю...

Попрыгунья решительно оборвала ее:

— А вот и придется поверить, придется, ничего не поделаешь. Марина остановилась, и Попрыгунья остановилась возле нее.

— Уходите,— твердо сказала Марина.

— Хорошо, уйду,— неожиданно кротко ответила Попрыгунья.— Но вы еще увидите, что я права, еще увидите.

— Уходите,— повторила Марина.

— Я позвоню вам на работу, когда она придет,— торопливо проговорила Попрыгунья.— Я знаю ваш номер, не беспокойтесь, я позвоню в ординаторскую.

Кажется, она говорила что-то еще, но Марина уже ничего не слышала, не хотела слышать. Неслась по улице, словно за ней гнались, а в ушах стояли, не проходили, не исчезали страшные, невозможные слова, которые Попрыгунья бросила ей в лицо. Страшные, невозможные, непереносимые...

Оказывается, Степаша бывает у них дома, когда Марины нет. Их смены с Алексеем часто не совпадают, Марина уходит на работу, Алексей остается. И тогда к нему приходит Степаша. И сидит до тех самых пор, пока Алексей не уходит или пока Марина не возвращается домой.

— Я уверена, что они не читают Бернса в переводах Маршака,— снова доносился до Марины язвительный, тонкий голос Попрыгуньи,— и, поверьте, не изучают проблемы космической медицины, просто на все сто процентов не изучают...

Как безжалостны порой бывают люди! Что за непонятная, неистребимая жестокость вонзить свое лезвие в чье-то сердце и с наслаждением повернуть его, чтобы было побольше.

Ах, разве дело только лишь в этом? Пусть Попрыгунья сплетничает, клеветает, вмешивается в чужую жизнь, чем же ей еще жить, если своя жизнь пуста?

Дело совсем, совсем в другом. Неужели это все правда? Неужели Алексей обманывает ее? Он, не признававший никогда никаких хитростей, никаких лукавых уловок?

Неужели Степаша, девочка, которая, как говорил все тот же Алексей, прочно прописалась в ее сердце, правдивая и откровенная, словно ребенок, просто-напросто коварная, нечистая тварь и ее нужно немедленно, не раздумывая, гнать из дома?

Еще совсем недавно, дня четыре, что ли, тому назад, она, Марина, выговаривала Степаше:

— Сколько так можно? Почему ты не готовишься в университет? Ты же собиралась снова подавать в университет или решила весь век просидеть в своей «Заре»?

Степаша, натынув на щетку капроновый чулок, обмахивала стены и потолок кухни. Стояла на табуретке, голые, смуглые ноги, на коленке царапина, вечно она падает, сама признается, может ни с того

ни с сего хлопнуться о землю на ровном месте, косынка съехала набок, открыв маленькое, крепкое ухо. Девочка, да и только, на вид и семнадцать не дашь...

— Конечно, собиралась,— ответила,— только до того трудно заниматься, если бы вы знали, я и так никогда не высыпаюсь.

Голос Степаши звучал жалобно, и Марина силой заставила себя не растрогаться.

— И все же выбирай время, готовься, после сама будешь довольна.

— Да я знаю,— согласилась Степаша.— Разумеется, буду довольна.

— Интересно, а что мама тебе говорит? Как она считает?

Степаша ответила хмуро:

— Ничего она не считает. Ей со своими бы делами в пору управиться...

— Зачем ты так говоришь? — упрекнула Марина.

— Говорю правду,— сказала Степаша.— Думаете, если я так говорю, то не люблю маму? Я ее очень люблю, просто что есть, то и есть.

И снова принялась обметать пыль со стен и потолка.

На следующий вечер, когда Марина с Алексеем сидели дома, Степаша уже поздно заявила к ним, пояснила:

— Была в кино неподалеку от вас. Ну, как не зайти?

— Правильно сделала,— одобрила Марина, Алексей спросил:

— С кем ты была?

— С толстой Инной.

Степаша залилась смехом.

— Можете себе представить, влюбилась в...

Степаша назвала имя одного из самых популярных артистов кино.

— Каким-то путем узнала его адрес, часами выстаивает под окнами, пишет ему длиннющие письма, которые он, надо думать, и не читает вовсе. Но Инна не сдается, пишет и пишет, подстерегает его, когда он играет в Театре киноактера, он садится в машину, а она обсыпает его цветами, как невесту...

Степаша смеялась, закинув голову. В свете лампы бледно-лиловым отблеском лучился речной жемчуг на ее шее, мелкие и острые, как у грызуна, зубы тоже почему-то казались слегка лиловатыми.

— А ты злючка,— сказала Марина.

Степаша широко раскрыла глаза.

— Кто? Я? Чем же?

— Высмеиваешь беспощадно подругу, с которой вместе живешь, вместе в кино ходишь...

Степаша смутилась, Марине показалось, что она даже покраснела то ли от стыда, то ли от досады, но врожденная правдивость сказала и на этот раз:

— Может быть, злючка, только совсем немного.

— Не так уж немного, — вмешался Алексей, — На твоём бы месте я бы никогда не пошел в кино с этой Инной, раз она тебе не по душе.

— А я нарочно пошла именно с нею, — сказала Степаша. — Очень трудно было достать билеты, никому не удавалось, а мне случайно достались два билета, и все девочки ждали, кого я возьму с собой, а я взяла Инну.

— Почему именно ее? — спросила Марина.

— Я хочу, чтобы она была обязана мне.

— Как? — переспросила Марина, — Повтори еще раз.

— Я хочу, чтобы Инна была обязана мне, — повторила Степаша.

— Если можешь, поясни, что это значит, — сказал Алексей.

— Это значит, когда-нибудь, когда мне что-нибудь будет нужно, я ей припомню и она не откажет мне, не сумеет отказать...

— Ну и ну, — заметил Алексей. — Уж ты скажешь! Во-первых, можно подумать, что твоя Инна необыкновенно всесильная и всемогущая особа...

— А все же, — начала было Степаша, но Алексей строго прервал ее:

— Не перебивай меня, выслушай до конца! А во-вторых, все это звучит как-то невкусно.

— Что звучит невкусно? — спросила Степаша.

— То, что ты сказала.

— Это про то, что я хочу, чтобы она была обязана мне?

— Вот именно. А тебе что, это нравится? Согласись, препротивные слова, недостойные порядочного человека.

— Разве я не порядочный человек? — обиженно произнесла Степаша, — Вы не думайте, я очень порядочный.

— В таком случае, зачем же ты говоришь такое вот? Неужели это красиво, по-твоему?

Степаша, не отвечая, опустила голову. Брови ее сошлись на переносице.

— В общем, конечно, некрасиво.

— Хорошо, что сама понимаешь, — сказал Алексей.

Степаша подняла голову.

— Больше не буду, честное слово, никогда так не буду говорить...

— И не надо, — ответил Алексей. — Заруби себе на своем курносом носу, так даже думать не следует.

Он говорил с нею совсем как отец с дочерью, никак не иначе.

Ни разу Марина не заметила ни одного скрытого взгляда, затаенной улыбки, никогда даже мимолетная тень предательства не возникала между ними.

Может быть, Марине следовало присмотреться повнимательней, понаблюдать за ними, хорошенько продумать, что к чему.

Ведь вот же поняла все как есть Ирена Шаховцева.

А она, святая простота, вместо того чтобы прислушаться, поверить Ирене, в ответ отчеканила:

— Пусть будет стыдно тому, кто плохо думает...

Отрезала и была очень довольна собой.

Так думала Марина, то отменяя начисто все то, что сказала Попрыгунья, то начиная спорить сама с собой, а вдруг и в самом деле? Вдруг так оно и есть? Что тогда? Как жить после этого? Кому верить?..

В этот день у Марины был, как нарочно, большой прием. Казалось, все дети Москвы сговорились идти к Марине, чтобы она выправляла их кривые, налезавшие один на другой, неровные зубы.

Незадолго до конца приема Марину позвали к телефону.

Тонкий, женский голос пропищал в трубку:

— Если можете, приходите домой.

— Кто это? — спросила Марина, в ответ в трубке раздались короткие, частые гудки.

И, только отойдя от телефона, Марина поняла, это звонила Попрыгунья.

Сулилась позвонить, когда потребуется, и вот — позвонила. Быстро же пришлось ей выполнить свое обещание.

«Ни за что не пойду, — решила Марина, идя по коридору к себе, — вот еще, надо просто не уважать себя, чтобы верить всяким злобным сплетницам...»

Однако почти против воли ноги ее как бы сами собой зашагали вниз, в раздевалку.

Степаша сидела напротив Алексея на тахте, Алексей — возле стола на стуле.

У Марины разом отлегло от сердца: дверь не заперта, оба выглядят вполне пристойно.

Алексей послушно вытянул вперед руки, а Степаша проворно наматывала на его руки ярко-красные шерстяные нитки.

Увидев Марину, оба одновременно уставились на нее, Алексей, как подумалось Марине, смущенно, а Степаша привычно спокойно. — Вот, — первый начал Алексей. — Нитки, как видишь...

И замолчал, будто ему не хватило воздуха.

— Вижу. — Марина сняла пальто, повесила его в коридоре, снова вернулась в комнату, села рядом со Степашей.

— Красивые нитки какие...

— Это мама прислала, — сказала Степаша, продолжая наматывать нитки на руки Алексея. — Вчера приехала одна из Воронежа, привезла посылку.

— Очень красивые, — повторила Марина.

Обычно Алексей спрашивал ее, когда она приходила с работы.

— Устала? Много было всего-всякого?

А нынче не спросил. И не смотрел даже в ее сторону, как бы ускользая от нее взглядом.

«Почему он смущен? — подумала Марина. — В сущности, что такого особенного? Ну, сидит вместе с девочкой, и она наматывает на его руки нитки. Что в этом плохого?»

— Вы с работы? — спросила Степаша, повернув голову к Марине.

— Да, я сегодня немного раньше обычного, — ответила Марина.

— Вот и все, — сказала Степаша, подошла к Алексею, стала снимать с его рук пушистые кольца ниток.

Взяла со стола целлофановый мешок, положила в него пряжу. Алексей глубоко вздохнул, словно после тяжелой работы, потряс руками.

— А ж затекли, — сказал, — теперь и закурить можно, надеюсь?

— Можно, — сказала Степаша.

— Ты что, скоро уходишь? — спросила Марина.

— Минут через тридцать, — ответил он.

Марина повернулась к Степаше.

— Давай тогда пообедаем, пойдй разогрей суп.

Не отвечая ей, Степаша подошла к зеркалу, пригладила отросшие вихры надо лбом, оба, и Алексей и Марина, уговорили ее как-то больше так коротко не стричься.

Потом повернулась к Алексею, сказала:

— Теперь порядок.

Алексей вынул из кармана пачку сигарет, закурил, Степаша живо подошла к столу, подвинула ему пепельницу, и он стряхнул пепел.

— Я все жду, когда ты курить бросишь, — негромко произнесла Марина. — Не выношу табачный дым.

Степаша отогнала ладонью дым от Марины, потом сказала, глядя на Алексея, должно быть, обращаясь только к нему одному:

— Завтра же начну вязать...

— Что вязать? — спросила Марина.

— Кофточку и еще варежки, если шерсти хватит.

— Кофточку? — удивилась Марина. — Да ты что, Степаша, на кофточку тебе никак не хватит.

— А разве я буду вязать для себя? — спросила Степаша. — Вот уж нет.

— Для кого же?

— Для ребенка, — сказала Степаша, небольшие, светлые глаза ее слегка потемнели, — у меня будет ребенок, Марина Тимофеевна.

— Ребенок? — переспросила Марина.

— Именно так.

Степаша подошла к Алексею, встала рядом с ним.

— Алеша, скажи ей, мой милый...

Казалось, это все сон, ничто другое, сейчас она, Марина, раскроет пошире глаза, и проснется, и забудет об этом ужасном сне.

Но нет, то был не сон.

Марина посмотрела на Алексея, на этот раз он не избегал ее взгляда. Темно-карие, широко вырезанные глаза его с чуть коричневыми веками, иногда блестящие, иногда тусклые, как бы подернутые пеплом, сейчас казались печальными, словно бы погасшими.

— Понимаешь, Маришка,— сказал Алексей.— Так как-то вышло...

— Почему так как-то, Алеша? — прервала его Степаша.— Давай, дружок, не крути, говори все как есть...

Ясная, открытая улыбка засветилась в ее глазах.

— Мы любим друг друга, Марина Тимофеевна, верно, Алеша?

— Да,— сказал Алексей, глядя куда-то поверх Мариной головы,— верно.

— Вот так,— заключила Степаша.

Стояла перед Мариной, заложив руки за спину, уверенная в себе, вдруг разом возмужавшая, даже словно бы ставшая выше ростом, должна быть, такая же крепкая и непробиваемая, как ее речной жемчуг.

— Хорошо,— сказала Марина.— Раз так, хорошо...

Будто слепая, ничего не видя перед собой, повернулась, быстро вышла в коридор, сдернула свое пальто с вешалки, ринулась в дверь.

Сбежала с лестницы на улицу. Как раз возле подъезда остановилась машина с зеленым огоньком. Марина подняла руку.

— Куда поедет? — спросил шофер. У него было веселое, румяное, щекастое лицо, широкие брови, которые срослись на переносице.

«Брови, словно гусеницы», — подумала Марина. И еще подумала о том, почему это в тяжелые, горестные минуты жизни в голову лезут какие-то странные, пустяковые мысли? В самом деле, почему?

Она назвала адрес Ирены. Она знала, у Ирены был отгул за праздничные дежурства, надо полагать, она дома.

Ирена сама открыла ей дверь.

— Ты? — спросила.— Откуда? Почему не позвонила? Я же могла уйти.

— Очень тебя прошу, ни о чем не спрашивай.— Голос Марины был необычно тихий, прерывистый, Ирена с трудом улавливала то, что она говорила,— можно, я побуду у тебя немного?

— Сколько угодно,— ответила Ирена.

— Только ни о чем не спрашивай,— снова сказала Марина,— я сама все расскажу, а ты ни о чем не спрашивай...

— Договорились,— сказала Ирена, закрыв за Мариной дверь.

* * *

Прошло около пяти лет. Все кончается когда-нибудь; спустя годы Марина постепенно пришла в себя, стала забывать о том, что

случилось однажды. Все-таки иногда ее охватывало невыносимое отчаяние, и она не знала тогда, куда деваться от него, как уйти от своей жестокой, неумолимой памяти...

Порой на улице ей казалось, в толпе она видит Алексея, она стремительно перебежала на другую сторону, лишь бы не встретиться с ним. Впрочем, может быть, это ей только казалось, и вовсе то был не Алексей, а кто-то другой, походивший чем-то на него.

Степашу она ни разу с тех самых пор не видела.

Внешне жизнь Марины вошла в некоторую, более или менее упорядоченную колею: она осталась жить в своей квартире, работала по-прежнему в том же самом институте. Алексей и Степаша сперва снимали комнату, потом он получил квартиру в каком-то новом районе. В ту пору он вскоре перешел работать в другую больницу, так что больше им не приходилось встречаться с Мариной.

Иной раз какие-то слухи доходили до Марины: Алексей защитил докторскую, ездил в Данию и Швецию на симпозиумы, выпустил в свет книгу-пособие для студентов, будущих рентгенологов.

У Степаши родился сын, а спустя два года и дочка. Жили они вроде бы дружно, Алексей во всем подчинялся своей молодой жене, но она не злоупотребляла его покладистым характером. Единственным камнем преткновения были ее родные, Алексей не выносил ни ее матери, ни ее брата, даже как-то сказал одному знакомому:

— Я бы советовал всем и каждому жениться только на круглых сиротках, без единого родича...

Впрочем, и мать и брат Степаши, нисколько ни считаясь с Алексеем, гостили у него и у Степаши по несколько месяцев в году.

Все эти сведения приносила Марине Попрыгунья, по-прежнему пытливо-любопытная, невероятная сплетница, казалось бы, не утратившая с годами своего пылкого интереса к чужим делам.

И сколько Марина ни просила ее:

— Замолчите, я не хочу вас слушать, мне это просто неинтересно. — Попрыгунья как бы назло продолжала сыпать все новой информацией, получаемой неведомо когда и неизвестно откуда.

Однажды летом, вернувшись с концерта в консерватории, куда она ходила вместе с Иреной, Марина вышла на балкон покурить. Она стала курить с того самого дня, должно быть, Алексей немало бы удивился, ведь Марина когда-то не выносила сигаретный дым.

Внезапно раздался телефонный звонок.

Марина глянула на часы. Половина двенадцатого. Кто это так поздно?

— Слушаю, — сказала она и вдруг услышала знакомый, никогда не внявший в памяти голос:

— Марина Тимофеевна, здравствуйте, это я, помните меня?

Марина хотела было бросить трубку, но вместо того спросила:

— Кто это говорит?

Мелькнула опасливая мысль:

«Вдруг с Алексеем что-то?»

— Это я, Степаша. Здравствуйте, Марина Тимофеевна.

— Здравствуйте, — ответила Марина.

— Только не кладите трубку, умоляю вас, — предупредила ее Степаша. — У меня к вам очень серьезный разговор.

— Что с Алексеем Петровичем? — спросила Марина.

— С ним все хорошо, — сказала Степаша. — Он здоров, наверно, в будущем году станет член-кором, вы, может быть, слышали?

— Ничего я не слышала, — сказала Марина, — что вам угодно?

— Ну не надо, — попросила Степаша, голос ее звучал умоляюще, но Марине послышалась в нем улыбка. — Я же помню, вы меня любили когда-то, правда ведь, Марина Тимофеевна?

— Вы мне скажите сейчас, что вам угодно, или...

— Или вы положите трубку? — продолжила Степаша, тут же заговорила быстро, как бы боясь, что ее перебьют:

— Знаете, это очень серьезная для меня проблема. Для меня и для Алексея, — подчеркнула она. — У нас дочка, она младше сына на два года, ей скоро три, и у нее неправильный прикус.

Степаша замолчала. Марина тоже не говорила ни слова.

— Вот я и решила обратиться к вам, Марина Тимофеевна...

— Почему именно ко мне? — спросила Марина. — Разве мало врачей-ортодонтонтов, кроме меня?

— Вы — самая лучшая, — с хорошо знакомой Марине страстностью ответила Степаша, и Марине почудилась та, прежняя девочка, непосредственная, необыкновенно правдивая, пленившая ее некогда своей искренностью, легким, веселым нравом, добротой, может быть, даже скорее всего кажущейся, ненастоящей...

— У кого только я не была с нею, — продолжала Степаша, — сколько врачей смотрело ее, и все без толку. И вот я решила — вы и только вы, Марина Тимофеевна, не откажите мне, примите нас.

— Хорошо, — сказала Марина. — Сейчас посмотрю, когда я работаю на этой неделе.

— Не надо, не смотрите, — возразила Степаша, — я уже звонила к вам в институт и все узнала. Завтра вы с утра, а во вторник после обеда. Меня устраивает вторник, можно?

— Можно, — ответила Марина. Разговор этот был ей тягостен, и она выжидала удобный момент, чтобы положить трубку.

Но Степаша еще раз удивила ее напоследок:

— Значит, мы придем с Маринкой во вторник...

— С кем? — переспросила Марина. Степаша ответила:

— С Маринкой. Мы оба с Алексеем решили назвать дочку в честь вас Мариной.

И добавила задушевно:

— Мы часто вспоминаем вас с Алексеем, очень, очень часто...

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Самый любимый человек	3
Речной жемчуг	24

Людмила Захаровна УВАРОВА

РЕЧНОЙ ЖЕМЧУГ

Редактор **М. М. Ж и г а л о в а**

Технический редактор **О. Н. Л а с т о ч к и н а**

Сдано в набор 21.09.83. Подписано к печати 22.11.83. А 00752.
Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,15.
Тираж 100 000 экз. Изд. № 2954. Зак. № 1464. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

Цена 20 коп.

Индекс 70668

РОССИЯ • 303

Уверенный прием, отличное звучание, современное оформление! У радиоприемника высокая избирательность и чувствительность.

Специальная ручка помогает точно настроиться на нужную станцию в коротковолновом диапазоне.

На волнах «России» — голоса всего мира!

Цена — 59 руб. 70 коп.

ЦКРО «Радиотехника»